

Правда

о КИЕВО-
ПЕЧЕРСКОЙ
ЛАВРЕ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УКРАИНСКОЙ ССР

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

ПРАВДА
О КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ
ЛАВРЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УССР

Киев 1963

Авторы статей сборника, научные сотрудники Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника, широко используя архивные материалы, воссоздают правдивую картину жизни и быта Киево-Печерского монастыря в XI—XX столетиях.

В статьях сборника показывается, как Киево-Печерская Лавра, являясь оплотом самодержавия, рассадником религиозного мракобесия и фанатизма, удерживала народ в рабской покорности, эксплуатировала и угнетала верующих трудящихся.

В период развернутого строительства коммунизма большое внимание уделяется вопросам борьбы против пережитков прошлого в сознании людей, вопросам атеистического воспитания трудящихся.

Коммунистическая партия считает необходимым «систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений»¹.

В свете вышесказанного огромное значение имеет развенчание ореола святости Киево-Печерской Лавры, являвшейся во времена царизма оплотом самодержавия и крепостничества.

В сборнике статей научных сотрудников Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника показывается, как Киево-Печерская Лавра на протяжении девяти столетий укрепляла и поддерживала религиозность в сознании народа.

В тесном союзе с господствующими классами Лавра старалась удерживать народ в рабской покорности и сама эксплуатировала и угнетала его. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, приведенные авторами статей.

¹ *Программа Коммунистической партии Советского Союза*, Госполитиздат, 1961, стр. 122.

В книге ярко показано, как угнетатели, от древнерусских князей и бояр до последних русских царей, помещиков и капиталистов XX века, щедро вознаграждали Лавру за ее верную службу.

Авторы широко использовали архивные материалы, которые помогают воссоздать правдивую картину жизни и быта Печерской обители — рассадника религиозного мракобесия и фанатизма.

БИЛЫК Б. М.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ в XI—XIII столетиях

Основание монастырей на Руси тесно связано с введением в 988—989 годах христианства. Старые языческие верования уже не соответствовали новым социально-экономическим отношениям классового общества. Феодалам-эксплуататорам необходима была такая религия, которая бы освящала разделение общества на богатых и бедных, обожествляла великокняжескую власть, воспитывала угнетенные трудящиеся массы в духе терпения и покорности. Такой религией и было христианство.

Христианизация населения всецело отвечала интересам киевских князей и социальным верхам древнерусского феодального общества. «Социальные принципы христианства,— говорит К. Маркс,— оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество... Социальные принципы христианства проповедают необходимость существования классов — господствующего и угнетенного... переносят на небо обещанную... компенсацию за все испытанные мерзости, оправдывая тем самым дальнейшее существование этих мерзостей на земле... объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает людям во искупление их грехов»¹.

Тяготение господствующих классов к христианству в древнерусском государстве имело место еще задолго до его официального введения. Так, уже в 912—945 годах христиан-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2 изд., т. 4, стр. 204,

ство исповедовала значительная часть дружинников князя Игоря. При нем же в Киеве была церковь Ильи. Летописные данные свидетельствуют и о том, что княгиня Ольга (945—957 гг.) сама приняла крещение во время своего пребывания в Константинополе. Следовательно, еще задолго до признания христианства государственной религией Киевской Руси оно имело своих сторонников в среде феодальной верхушки.

Попытка Владимира Святославича (978—1015 гг.) приспособить язычество к новым изменившимся условиям путем создания пантеона языческих божеств не имела успеха. После этого он сам принимает крещение, а также крестит свою семью и дружинников. Опираясь на дружину, князь Владимир приступает к введению христианства во всей Руси.

По свидетельству летописца накануне крещения киевлян Владимир Святославич предупредил их: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг»¹. Так князь недвусмысленно дал понять непокорным, что в случае ослушания к ним будут применены самые суровые меры.

Принудительное насаждение христианства не давало желаемых результатов. Народ продолжал тайно исповедовать язычество.

С целью утверждения христианства и вытеснения язычества князья начали большое церковное строительство. Церкви сооружаются на месте уничтоженных языческих идолов и капищ. Особое внимание и заботу феодальная верхушка оказывала основанию монастырей как очагов христианизации Киевской Руси. Миссионерская деятельность монастырей способствовала укреплению православной церкви, именем которой освящались феодальные порядки и великокняжеская власть.

Поскольку христианство на Руси было введено по инициативе феодальной верхушки как орудие духовного закабаления и одурманивания масс, то выходцам из феодалов принадлежали руководящие церковные посты, при их непосредственной поддержке строились церкви, основывались монастыри.

Среди монастырей древней Руси особое место занимала

---

¹ *Повесть временных лет*, ч. 1, М.-Л, изд-во АН СССР, 1950, стр. 279.

Киево-Печерская Лавра¹. Об основании Киево-Печерского мужского монастыря древнерусские летописи сообщают под 1051 годом.

Хотя монастырь находился на расстоянии 3-х километров от центра города, среди густого леса, это нисколько не отразилось на росте его известности.

Рядом с монастырем находилась летняя резиденция киевских князей — село Берестово, а на окраине села у древних пещер поселились монахи, которые и были первооснователями монастыря.

В конце XI — в начале XII века в селе Берестове была построена церковь Спаса на Берестове — семейная усыпальница мономаховичей. Там же в 1157 году похоронены основатель Москвы киевский князь Юрий Долгорукий и другие представители рода Мономаха.

Среди первых руководителей монастырской общины были представители того класса, который прежде всего был заинтересован в укреплении православной церкви, то есть выходцы из феодалов. Так, Феодосий, один из основателей Киево-Печерского монастыря, происходил из боярского рода города Василькова. Первыми игуменами монастыря были: Варлаам — сын богатого киевского боярина Иоанна, Стефан — боярский рода. Здесь же были Ефрем, придворный князя Изяслава, а позже и черниговский князь Святослав Давидович, принявший монашество. Их связи с киевскими князьями после пострижения в монахи не только не порывались, а, наоборот, становились более прочными и желанными как для одной, так и для другой стороны.

Отсюда то особое внимание и поддержка, которые оказывали Киево-Печерскому монастырю князья и бояре. Пользуясь их заступничеством и покровительством, монастырь очень быстро превращается в один из главных религиозных центров древнерусского государства.

У монастыря была прочная экономическая база. Его богатства, создаваемые трудом приписанных к монастырю смердов, быстро увеличивались как за счет приношений рядовых богомольцев-паломников, так и за счет пожертвований представителей господствующих классов. В Киево-Печерском

---

¹ «Печерским» монастырь начал называться от слова «пещеры», в районе которых он был основан. Позже монастырю был присвоен высший церковный титул — «Лавра», что в переводе с греческого означает большой перворазрядный монастырь.

патерике¹ говорится, например, о том, как «князи и бояре... приношаху... от имений своих на утешение братии и на устройство монастырю, друзии же и села вдавающе на церковную потребу монастыреви и братьи»².

Киевский князь Изяслав подарил монастырю гору над пещерами³, а его преемник князь Святослав «вда сто гривен злата»⁴ на строительство Успенского собора и поле, на котором и был сооружен храм⁵. Ярополк Изяславич перед своей смертью отписал монастырю «Небльскую волость и Деревскую и Лучскую и около Киева».

Ревностно заботились о благосостоянии Печерского монастыря и те монахи, которые позже получали епископские кафедры в других княжествах. Так, в Суздале был «двор монастырский Печерского монастыря и церковь... которую дал монастырю Ефрем вместе с селами»⁶.

Владения монастыря находились не только в окрестностях Киева, но и в Тмутараканском княжестве, Ростово-Суздальской земле и на западе древнерусского государства. Так, в Суздале был основан Дмитриевский монастырь — филиал Киево-Печерского⁷, в 70-х годах XI века монах Печерского монастыря Никон основал Богородицкий монастырь в Тмутараканском княжестве⁸ и т. д. Монастырь располагал большой армией слугителей, которые наблюдали за работой зависимых крестьян в многочисленных монастырских селах.

В монастырских вотчинах царили произвол и жестокая эксплуатация. Печерский монастырь был таким же собственником, как и светские феодалы, которые, по словам В. И. Ленина, «кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»»⁹.

Не отказывался Печерский монастырь от увеличения своих владений и богатств за счет других монастырей. Летописец под 1128 годом свидетельствует, что монахами Киево-Печерского монастыря «с грехом великим и неправо» был захвачен Дмитриевский монастырь в Киеве.

¹ В переводе с греческого языка «Патерик» означает сборник рассказов о жизни и деятельности «отцов» церкви.

² *Киево-Печерский патерик*, Киев, 1930, стр. 42.

³ *Там же*, стр. 8.

⁴ Гривна — весовая денежная единица, вначале равнялась 400 граммам, а позже — 200 граммам.

⁵ *Киево-Печерский патерик*, стр. 69.

⁶ *Повесть временных лет*, стр. 371.

⁷ *История культуры древней Руси*, т. II, М.—Л., 1951, стр. 95.

⁸ *См. Макарий*, *История русской церкви*, т. II, Спб., 1897, стр. 74.

⁹ *В. И. Ленин*, *Соч.*, т. 3, стр. 170.

Значительные пожертвования получал монастырь за поминания и погребения на своей территории представителей феодальной верхушки. Среди верующих монахами распространялись слухи и версии о том, что всякий погребенный в монастыре, сколько бы он при жизни ни грешил, «помилован будет»¹. Монастырь старался влиять на своих покровителей, повседневно напоминая им о том, что вклады и пожертвования — самый надежный путь к спасению не только тех лиц, которые жертвуют на монастырь, но и их близких. Боярин Шимон, к примеру, за данные монастырю золотой пояс и венец, а также «имения многа» получил от Печерского монастыря «благословение» и «отпущение» не только своих собственных грехов, но и грехов всех своих потомков «до последних рода» его². Желающих таким нехитрым путем откупиться от грехов и попасть «в рай» среди феодалов было немало, и доходы в монастырь текли неиссякаемым потоком.

Лаврское духовенство было заинтересовано в сильной государственной власти, которая могла бы обеспечить его благосостояние и процветание.

Между монастырем и киевскими князьями с самого начала его существования установился тесный контакт.

Выходцы из Печерского монастыря, как правило, занимали высшие церковные должности; епископы, имевшие кафедры в Чернигове, Переяславе, Владимире, Суздали, Тмутаракани и других городах, были духовниками князей, бояр, их семей³.

Тесное общение князей с монастырем давало возможность монахам всегда раньше других узнавать не только о княжеских действиях, но также об их замыслах. Святополк Изяславич, как правило, прежде чем отправиться в поход, шел за благословением в Печерский монастырь. Победив в 1107 году половцев, он сразу же спешит поделиться с монахами радостной вестью. Частыми посетителями монастыря были киевские князья Ярославичи — Изяслав и Святослав; Юрий Долгорукий в Печерском монастыре назначает свидание своему союзнику Владимиру, где они «сотвориша любов межи собою велику»⁴.

¹ *Киево-Печерский патерик*, стр. 105.

² *Там же*, стр. 4.

³ См. *Е. Голубинский*, *История русской церкви*, т. I, изд. 2-е, М., 1901, стр. 667, 672, 673, 684, 685, 698.

⁴ *Б. Д. Греков*, *Киевская Русь*, М.-Л., 1944, стр. 346.

Отстаивая независимость русской православной церкви, Киево-Печерский монастырь вел борьбу с Византией. Эта борьба носила не только религиозный, но и общеполитический характер. Ведь церковные дела были всего лишь поводом для вмешательства Византии во внутренние дела древнерусского государства. Монастырь часто выступал посредником в спорах между князем и боярами; используя свое влияние и авторитет крупного религиозного учреждения, он добивался изменения первоначального решения князя в пользу того или иного боярина.

Киево-Печерская Лавра активно откликалась на различные политические события в Киевской Руси. Осуждая междоусобные войны, игумен Печерского монастыря Феодосий, например, осмелился выразить свое неодобрение политики князя Святослава Ярославича, который силой изгнал своего старшего брата Изяслава и захватил великокняжеский престол. Позже тот же Феодосий в своем послании «О вере латинской» выступает против политики князя Изяслава, вступившего в невыгодный для Руси союз с польским князем Болеславом II.

Печерский монастырь оказывал помощь отдельным князьям в их борьбе за власть. Нередко его слово было решающим. При непосредственном участии монаха Печерского монастыря Никона на тмутараканское княжество был посажен сын черниговского, а позже киевского, князя Святослава Глеб¹.

В то же время игумены монастыря могли на личном опыте убедиться, что непослушание, а то и просто обсуждение великокняжеской политики или действий князей приводили к изгнанию непокорных. Когда киевский князь Изяслав «нача гневатися» на Антония, то лишь бегство спасло черноризца от расправы. Антоний должен был оставить монастырь и искать защиты у черниговского князя Святослава. Изяслав же лишил игуменства и изгнал из монастыря и игумена Стефана. Такая же судьба постигла и игумена Иоанна, который в своем выступлении осудил князя Святополка Изяславича за конфискацию монастырской соли. Что касается рядовых монахов, то с ними поступали более жестоко. Брат Владимира Мономаха Ростислав за оскорбление его воинов монахом Григорием приказал связать черноризцу руки и ноги, к шее привязать большой камень и бросить в Днепр.

Рост феодального землевладения, усиление эксплуатации

---

¹ См. *Киево-Печерский патерик*, стр. 45.

городской бедноты и крестьян вызвали в XI—XII веках на Руси, особенно в Киеве, ряд народных восстаний против светских и духовных эксплуататоров.

Весной 1113 года в Киеве вспыхнуло большое восстание городской бедноты, ремесленников и крестьян. Восстание началось в день смерти киевского князя Святополка Изяславича, жестокость и жажда наживы которого не имели пределов. Воспользовавшись повышением цены на соль, привоз которой из Галицкой земли затруднился, он в свое княжение ввел соляную монополию. Эта неслыханная в то время мера привела к разгулу ростовщичества и резкому обеднению трудящихся масс. В ростовщических операциях принимали участие и сам князь и конкурент Святополка — Киево-Печерский монастырь, который также торговал мукой и солью. Народный гнев навис над боярами и монастырями. Киевские послы, пришедшие просить переяславского князя Владимира Мономаха занять великокняжеский стол, предупредили его: «...будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри»¹.

Народные массы все более и более убеждались в том, что их духовные пастыри ничем не отличались от светских феодалов. Путем обмана и грубого насилия монастыри захватывали лучшие земли и угодья, облагали крестьян новыми повинностями, брали десятину на свое содержание, творили суд и т. д. Протест трудящихся против феодального гнета проявлялся и в расправах с представителями христианской религии. Например, во время восстания смердов в Ростове в 1073 году среди убитых был и епископ Леонтий, бывший монах Печерского монастыря². В середине XII века восставшими был убит монах Печерского монастыря Кукша, проповедовавший христианство среди вятичей³.

Для утверждения христианства возникла необходимость в переводах и переписывании богословской литературы с греческого языка на славянский. Требовались высокообразованные, грамотные люди. В связи с этим в Киеве начали появляться первые школы.

Грамотных людей, помогавших укреплению христианского вероучения, привлекал к себе Киево-Печерский монастырь. Уже в конце XI — начале XII века он становится одним из центров древнерусского летописания. В его стенах перево-

¹ *Повесть временных лет*, ч. 1, стр. 399.

² *Киево-Печерский патерик*, стр. 102.

³ См. *Е. Голубинский*, *История русской церкви*, стр. 208—209.

дились и переписывались богословские книги, а также создавались оригинальные летописные памятники. Широко известны имена лаврских летописцев — Нестора, Никона, Иоанна. Около 1113 года Нестором-летописцем была окончена «Повесть временных лет» — ценнейшее произведение древнерусской письменности, повествующее об основании Руси. Летопись раскрывает древнейшую историю Руси, осуждает княжеские распри, рассказывает о народных восстаниях.

Для усиления влияния церкви на трудящихся, прославления монашеских «подвигов» в Киево-Печерском монастыре было создано немало произведений житийной литературы. Нестор-летописец написал «Житие Феодосия Печерского», «Чтение о житии и погублении князей Бориса и Глеба».

Значительное число «житий» было написано монахами Симоном и Поликарпом. В начале XIII века эти «жития» вошли в единый сборник, названный позже «Киево-Печерским патериком». Составленный с целью прославления подвижничества и аскетизма, Патерик, однако, в ряде случаев реалистически освещает отрицательные стороны жизни и быта монахов. Киево-Печерский патерик знакомит нас с отдельными событиями, происходившими в Киевской Руси.

Впервые в Патерике упоминается имя древнерусского художника Алимпия, который расписывал Успенский собор Киево-Печерской Лавры. Говоря о мастерстве Алимпия, Поликарп подчеркивает, что греческие художники «диву дивахуся», любясь его мозаичными произведениями. Здесь же впервые упоминается и имя древнерусского врача Агапита, за помощью к которому обращались не только простые люди, но и бояре, высшее духовенство и князья.

При игумене Феодосии в Киево-Печерском монастыре был введен устав, согласно которому устанавливались суровые нормы монастырской жизни в духе аскетизма. Введение устава было вызвано стремлением Печерского монастыря прославить себя, но фактически его не придерживались не только простые монахи, но и сам Феодосий. Принимая в дар и по завещаниям движимое и недвижимое имущество, денежные приношения, Феодосий способствовал накоплению в Лавре огромных богатств.

Вступающие в монастырь имели право свободно распоряжаться имуществом и деньгами, которые они приносили в монастырь. Занимая высшие должности в Лавре, выходцы из княжеских, боярских и купеческих семей вели обеспечен-

ную и беззаботную жизнь, в которой христианские добродетели отодвигались на последнее место.

Вот несколько примеров из жизни обитателей монастыря, описанных в Киево-Печерском патерике. Один из монахов, которому покровительствовал лично пресвитер Онисифор, всегда выдавал себя за прилежного труженика, усердного богомольца и постника, вымаливающего за свои грехи прощение всевышнего. Но вскоре выяснилось, что, запираясь в келье, он тайно от братии ел запрещенную уставом пищу, пил вино и «тако препроводи лета свои»¹.

Был в Печерском монастыре и монах Арефа, родом из города Полоцка. Хранил он в своей келье большие богатства, но отличался такой скупостью, что никогда не подал бедным ни одной мелкой монеты, ни куска черствого хлеба. Когда же воры украли его состояние, Арефа чуть не лишил себя жизни².

В отличие от Арефы, черноризец Эразм все свое богатство использовал на украшение икон церкви Печерского монастыря. Когда же он обеднел, то все монахи стали относиться к нему с пренебрежением, как к нищему³.

А вот как описывают авторы Патерика смерть монаха Афанасия. Более двух дней после смерти пролежало его тело в келье, забытое иноками. Черноризцы, узнавшие о его кончине, не спешили отдать последнюю дань своему «брату». Афанасий ничего не имел из имущества «и сего ради небрегом бысть». Ведь только богатым монахам каждый старался услужить и при жизни и после смерти, надеясь на вознаграждение⁴.

Для монахов, стремившихся к личному обогащению, не существовало никаких пределов. Они доходили до того, что даже воровали друг у друга. Как-то монах Николай узнал, что его собрату Конону один знакомый отдал на сохранение кубышку с серебром. Это серебро не давало покоя Николаю до тех пор, пока он его не похитил у Конона⁵.

Быстрое обогащение монастыря в результате поддержки его со стороны господствующих классов дало монахам возможность приступить к строительству не только деревянных, но и каменных сооружений.

¹ *Киево-Печерский патерик*, стр. 104.

² См. *там же*, стр. 120—121.

³ См. *там же*, стр. 119.

⁴ См. *там же*, стр. 111.

⁵ См. *там же*, стр. 75.

В 1073—1089 годах строится и расписывается Успенский собор. Его конструктивная ясность и простота планировки послужили образцом для строительства храмов в других городах Руси — Ростове и Суздали. До наших дней собор не сохранился. Он был варварски разрушен немецкими фашистами в 1941 году.

В начале XII столетия на пожертвования боярина Захария, давшего монастырю 200 золотых и 2000 серебряных гривен, была построена с северо-запада от Успенского собора Иоанно-Предтеченская церковь¹. Несколько позже, в 1106—1108 годах сооружена Троицкая надвратная церковь, один из памятников древнерусского зодчества, хорошо сохранившийся до наших дней. В начале XII столетия в монастыре построили каменную трапезную палату, которая в 1230 году была разрушена во время землетрясения. Таким образом, в конце XI — в начале XII века начал складываться лаврский архитектурный ансамбль, памятники которого свидетельствуют о высоком уровне развития архитектуры и других видов искусств в древней Руси.

Киево-Печерский монастырь был одновременно и крепостью. Укрепление монастыря было вызвано, во-первых, рядом восстаний феодально зависимого и жестоко эксплуатируемого крестьянства, во-вторых, оно служило целям защиты от внешних врагов.

Расположение монастыря было удобным для обороны. С юго-востока его естественной защитой были крутые днепровские склоны и овраги, густо покрытые лесом и кустарниками.

Вначале деревянные церкви и кельи защищал дубовый частокол. Когда в 1096 году половцы во главе с ханом Боняком обложили Киево-Печерский монастырь, они проникли на его территорию, лишь взломав монастырские ворота².

В XII веке взамен деревянных вокруг всего Печерского монастыря были сооружены высокие каменные стены.

В систему крепостных оборонительных сооружений Киево-Печерского монастыря вошла и Троицкая надвратная церковь, представлявшая собой главный вход и сторожевую башню. С постройкой каменных стен Печерский монастырь превратился в хорошо оснащенную крепость, которая сыграла большую роль в обороне Киева во время нашествия

¹ См. *Киево-Печерский патерик*, стр. 13.

² См. *Повесть временных лет*, ч. 1, стр. 352.

татаро-монгольских орд в 1240 году. Захватив и разрушив город, татаро-монголы напали и на Печерский монастырь, где укрывалось много киевлян. Попытка кочевников внезапно овладеть монастырем не увенчалась успехом. Только после того, как завоеватели разрушили таранами каменные стены, ценой значительных усилий и потерь им удалось ворваться в монастырь. Много киевлян погибло в этой неравной битве, а те, которые остались в живых, были пленены.

В киевском Синописе¹ так описаны эти события: «Того жъ лета (1240—*Б. Б.*) злочестивый Батый, разоривши преславный градъ Киевъ, прииде съ погаными своими и къ... обители Печерской, идеже множество народа бе въ затворе, и мужественно противу того врага... стояше: но не возмогша... отбитися и уцелети. Ибо нечестивые варвары овнами или таранами стены кманенныя монастырские столкши и до основания сокрушивши, въ... обитель внидоша, людей всякого чина посекоша, иных плениша»².

Овладев монастырем, татаро-монголы разграбили многие сооружения: был разрушен купол, повреждены своды Успенского собора и его живопись. Многие монахи разбежались или были уведены в плен. Лишь часть из них пряталась в пещерах и окрестных селах, время от времени собираясь на богослужение в опустошенный и полуразрушенный монастырь.

Орда, страшным вихрем пронесшаяся по стране, уничтожила множество населения, разрушила много памятников материальной и духовной культуры, установила на завоеванной территории тяжелое иго.

Но татарские ханы хорошо понимали, что для удержания народа в повиновении необходимо опираться на местную княжескую и боярскую власть, на духовенство. Этим и объясняется тот факт, что к монастырю, как к религиозной организации, татаро-монголы враждебности не проявляли. Сами церковные историки отмечают исключительную заботливость ханов о благосостоянии православной церкви и духовенства, хотя стыдливо умалчивают, за что же такая честь была «чину духовному». Ответ на это дают ханские ярлыки (грамоты), которые давались православной церкви на Руси в лице ее митрополита. Так, хан Узбек в своем ярлыке от

¹ Синописис — краткий обзор русской истории и истории Украины.

² *Синописис Киевский*, К., 1823, стр. 87.

1313 года требовал от своих татарских чиновников под угрозой смертной казни не нарушать привилегий, данных православному духовенству, так как они «за нас бога молят и нас блюдут, и наше воинство укрепляют».

Духовенство — архимандриты, игумены и попы и «вся... притча церковная»¹ освобождались от всевозможных поборов и взиманий. Татарским чиновникам запрещалось требовать у духовных лиц чего бы то ни было. За «хуление» веры православной и за отобрание церковного имущества виновных казнили².

Таким образом, отношение захватчиков-татар к церкви и монастырям, к духовенству было не только терпимым, но и благожелательным. В свою очередь духовенство учило, что иго татарское установлено богом «грехов ради наших», что бороться против поработителей грешно, что нужно заботиться прежде всего о спасении своих душ. Плакать и молиться — вот чему поучали богомольцев монахи Киево-Печерской Лавры.

Постепенно жизнь в монастыре налаживалась. Однако его обогащение шло не так быстро. Это объясняется общим разорением страны, уничтожением значительного количества населения, массовым бегством его от татар, набегами литовцев на южнорусские земли, обезлюдением Киева. Итальянский путешественник Плано Карпини, посетивший Киев в 1245 году, насчитывал в нем не более 200 домов, в окрестностях Киева везде валялись человеческие кости и черепа. Народ находился в страшном рабстве.

О Печерском монастыре этого периода сведений сохранилось весьма мало. Бояре и князья продолжали покровительствовать ему. Известно, что в 1240 году сын князя Даниила Романовича — Роман Даниилович Галицкий со своей женой Анастасией дали монастырю Печерскому землю Забудецкую с людьми и с пошлинами, несколько деревень вблизи Киева с мельницами и «со всеми приходами». В грамоте есть упоминание о том, что если кто из потомков князя попытается отнять у монастыря отданные ему имения, то виновные будут держать ответ.

Конец XIII — начало XIV столетия были тяжелым временем для Киева и киевских земель. Татарские и литовские

---

¹ См. *Исторія України в документах і матеріалах*, т. 1, К., 1939, стор. 191.

² *Собрание государственных грамот*, т. II, № 7.

отряды, производившие частые набеги, разоряли южную Русь. Ввиду этого митрополит Максим в 1299 году перебрался из Киева на север, во Владимир.

Таким образом, со дня своего основания Киево-Печерская Лавра стала оплотом великокняжеской власти. Сосредоточив в своих руках огромные богатства, она постепенно превратилась в крупного феодала-крепостника и наравне со светскими феодалами угнетала широкие массы трудящихся.

---

*ШИДЕНКО В. А.,
заведующий отделом истории
Киево-Печерского государственного
историко-культурного заповедника*

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ — ОПОРА ПРАВЯЩИХ КЛАССОВ НА УКРАИНЕ в XIV — XVII столетиях

В XIV столетии Литовское княжество захватило значительную часть украинских земель. Литовская знать оказывала всяческое покровительство православной церкви, стараясь использовать ее для удержания своего господства на украинских землях.

Литовские православные магнаты обращали особое внимание на Печерский монастырь, как на главный религиозный центр Юго-Западной Руси.

Руководство монастыря было непосредственно связано с литовской знатью. Лаврский архимандрит Давид был духовником Иулиании — жены великого князя литовского Ольгерда, архимандрит Авраамий участвовал в политической интриге литовского князя Витовта против его соперника Скиргайла Ольгердовича. По обычаю литовские князья и прочая знать официально один-два раза в год приезжали в монастырь на поклонение святым. В один из таких приездов княживший в Киеве Скиргайло Ольгердович был приглашен в Лавру на трапезу, во время которой по наущению князя Витовта его отравили. Витовт не забыл услуги и благодетельствовал Киево-Печерский монастырь грамотой на различные угодья.

В среде церковников, начиная от митрополита и кончая простым священником, процветали интриги, подкупы, торговля церковными должностями, разврат, пьянство и прочие пороки. Этого не могли не замечать верующие. Чтобы поднять авторитет церкви, Лавра создает много разных «святынь», особенно мощей, фабрикация которых усилилась с конца XIII столетия. Приезжавших в Лавру путешественни-

гов в XV—XVII столетиях поражало обилие в монастыре разных «святых». Казанец Василий Гагара, возвращавшийся на родину из Палестины и Египта и побывавший в 1637 году в Киево-Печерской Лавре, в своей книге писал, что нигде на Востоке он не видел столько святых мощей. «Сказывают не одна тысяча» — записал он со слов сопровождавшего его по пещерам монаха.

С той же целью — поднять авторитет Печерского монастыря — Тверской епископ Арсений отредактировал в 1406 году «Жития киево-печерских святых». Лаврский монах Кассиан в 1462 году сделал новую редакцию «Житий» и впервые назвал эти «Жития» Патериком Печерским по примеру древних греческих патериков.

Уже в XV веке Лавра стала одним из центров религиозного паломничества. Сюда приходили богомольцы из Москвы, Тулы, Калуги, Минска, Вильно, Новгорода-Великого, Брянска, Костромы, Твери, Слуцка, Острога, Путивля, Смоленска и многих других городов. Богатые за соответствующую плату заносили свои имена и имена своих родственников в «помянники», или «синодики», у бедных монахи выманивали последние конейки, пуская в ход все средства — показ «святых», чудотворных икон, мощей, мироносцев, рассказы о чудесах, исцелениях.

Правящая верхушка феодального общества понимала роль Печерского монастыря в духовном порабощении народа. Поэтому она всячески поддерживала лаврское духовенство, давая средства на строительство и украшение храмов, приобретение дорогой церковной утвари, облачений и т. п. Известно, что в 1470 году киевский князь Симеон Олелькович на собственные средства обновил Успенский собор монастыря. Постоянными покровителями монастыря были также князья Острожские — Федор Данилович, Константин Иванович и его сын Константин-Василий, князья Вишневецкие, Гольшанские, Сангушки, Ельцы, Корецкие и многие другие. На их средства в разное время восстанавливались, перестраивались и украшались монастырские здания.

Князья наделяли Лавру землей, рыбными угодьями, перевозами, лесами, различными феодальными привилегиями. Так, в 1414 году грамоту Печерскому монастырю о подтверждении всех его прав дал литовский князь Витовт, в 1480 году — Юрий Гольшанский. Князья черниговские «надариша пречистой богородице многие села з отчинами и грунтами, около Чернигова», пани Гелена Кичкирева — «селище

Брылевщину, Новоселки в Житомирском повете»¹. За покровительство и постоянную материальную поддержку Лавры со стороны феодалов и купцов духовенство ее стремилось внушить народу мысль о божественном происхождении эксплуататорского строя, возвеличить представителей знати, изображения которых нередко висели в храмах на видных местах.

Немало «привилеев» получила Лавра и от польских королей. В 1522 году лаврские послы отправились в Вильню к находившемуся там королю Сигизмунду с просьбой об особой привилегии Печерскому монастырю. Она была тогда же получена. По этой привилегии монастырю разрешалось избирать архимандрита с последующим утверждением его королем за соответствующую плату (50 золотых). Воеводам киевским и другим светским властям запрещалось вмешиваться во внутренние дела монастыря, приезжать туда более двух раз в год за подарками, требовать от монастыря подводы и корма для татарских послов, строить вблизи него свои шинки². Эта грамота была подтверждена Сигизмундом-Августом в 1550 году и Стефаном Баторием в 1578 году. В 1567 году Сигизмунд-Август дал Печерскому монастырю еще одну грамоту о неприкосновенности его владений. Каждый из новых архимандритов Лавры получал от короля охранную грамоту и новые пожалования. За счет этих пожалований значительно расширилось лаврское хозяйство.

Однако монастырю наносили немалый ущерб нападения татар. Изгнанные из Украины татарские ханы совершали опустошительные набеги на ее территорию. В 1399 году Лавра сумела откупиться за 50 рублей от татарского хана Тимур-Кутлука. Но в 1416 году монастырь был разграблен и подожжен крымским ханом Едигеем. В 1482 году крымский хан Менгли-Гирей захватил Киев, опустошил Киево-Печерскую Лавру, разорил Успенский собор, сжег книги, иконы, взял в плен десятки монахов, однако тех из них, которые внесли за себя татарам выкуп, вскоре отпустили³.

При поддержке украинских и литовских феодалов монастырь быстро восстанавливал свое хозяйство, отстраивал

---

¹ *Древний памятник Киево-Печерского монастыря*, К., 1892, стр. 39.

² См. *Архив Юго-Западной России*, т. II, № 112.

³ См. *Древний памятник Киево-Печерского монастыря*, стр. 2.

**План лаврских вотчин в Смеловской волости 1766 г.
Всего земли 43136 десятин, 1971 сажень.**

разрушенные сооружения, богатства его по-прежнему были велики. По инвентарям за Печерским монастырем в середине XVI века числилось два города, свыше 60 сел и немало деревень. Кроме того, лаврские монахи систематически добивались у польских королей и у русских царей разрешения собирать денежную и натуральную дань в бывших своих владениях в Новгород-Северской области, которые отошли к России во время русско-литовской войны 1500—1503 годов. Русские цари, которым импонировала роль поборников православия, разрешали печерским монахам приезжать за так называемой «милостыней», которая часто выражалась в довольно крупных суммах.

Чтобы печерские старцы не надоедали царям ежегодным посещением, был установлен такой порядок: братия печерская могла приезжать за «милостыней» через пять лет на шестой. Обычно монахи не выдерживали такого перерыва и являлись в Москву значительно чаще, к большому неудовольствию московского духовенства.

Однако лаврские монахи отправлялись в Москву не за одной только милостыней. В 1561 году туда прибыл лаврский иеродиакон Исаяя, который «бе много учен грамматики и философии». Он приехал, чтобы получить библию на славянском языке, а также «беседы» Иоанна Златоуста и «Житие Антония Печерского» с целью напечатать их в Литве «на пользу нашему народу русскому литовскому да и русскому московскому да повсюду всем православным христианам, иже в Болгарех, и Сербех, Мылтанех (молдаванах.— *В. Ш.*), Волосех». Остролов Исаяя, назвавший московского митрополита Иоасафа «несмысленным старцем» и «блекотливой бабой», был обвинен в ереси и долго сидел в тюрьме. В 1582 году он был на приеме у Ивана IV, в 1591 году составил краткую биографию Максима Грека.

Интерес к Москве среди жителей Украины был велик. Немало и русских людей переезжало на жительство на Украину.

Среди монахов Лавры было много выходцев из других городов, особенно из Москвы. Опасаясь «чуждого влияния», польский король Сигизмунд-Август запретил архимандритам Лавры принимать в монастырь монахов из Москвы и Валахии. На практике этот запрет, однако, не выполнялся: в XVI—XVII веках в Печерском монастыре мы видим много русских, белоруссов, молдаван и румын. В 1604 году тут жил монах, который выдавал себя за русского царевича

Дмитрия Ивановича, сына Ивана Грозного¹. Впоследствии этот проходимец стал известен под именем Лжедмитрия I.

В этот период среди монастырской братии находилось много бродяг и авантюристов, в том числе и архимандритов, возведенных в этот сан теми или иными панами. Богатства Печерского монастыря всегда привлекали к себе любителей быстрой и верной наживы. Среди «братии» шла непрерывная борьба за высшие должности в монастыре, которая сопровождалась интригами, клеветой, разоблачениями самых темных сторон деятельности монашествующих, драками, убийствами и т. п. За первую половину XVI столетия в монастыре сменилось около 30 архимандритов.

Каждый из представителей высшего монастырского духовенства чувствовал себя царьком, власть которого фактически никем не была ограничена. Игумен подчиненного Лавре соседнего Никольско-Пустыньского монастыря Серапион Бельский за малейшееслушание избивал рядовых монахов, стрелял в них из самопала. Монах Тимофей, который осмелился выступить против Серапиона, был замучен до смерти при личном участии игумена.

После захвата шляхетской Польшей Правобережной Украины с Киевом католическая агрессия на украинских землях значительно усилилась. Король, магнаты, папа римский выступили инициаторами так называемой унии или союза православной и католической церкви под главенством римского папы. Фактически этот союз укрепил позиции католицизма и польской шляхты на Украине, усилил процесс денационализации части украинского панства, слияния его с польскими феодалами. Введение Брестской церковной унии в 1596 году имело целью окончательное социальное и духовное порабощение украинского народа польской шляхтой и Ватиканом. Уния была также попыткой разорвать вековые связи украинского и русского народов.

Высшие деятели православной церкви — митрополит Михаил Рагоза, епископы Кирилл Терлецкий, Ипатий Потий и другие охотно согласились на унию. Однако против унии решительно выступил украинский народ. Не приняла унии часть украинской шляхты и некоторые украинские магнаты — князья К. К. Острожский, Четвертинский и др. Против

---

¹ *Киевская летопись*. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов, К., 1888, стр. 78.

унии выступили и некоторые крупнейшие монастыри, такие, как Киево-Печерская Лавра. Лавра боялась потерять свое религиозное влияние на народные массы, опасалась, что, перейдя в унию, она лишится своей фактической независимости, попадет под власть униатских епископов и потеряет многие свои земельные владения и богатства.

Кроме того, оставшаяся верной православию часть высших церковных деятелей рассчитывала направить развернувшееся антикрепостническое движение закабаленного крестьянства в русло исключительно религиозной борьбы и тем самым отвести удар от украинских панов и церковных православных феодалов.

Однако нельзя сказать, что позиция Киево-Печерского монастыря по отношению к унию и Риму была непримиримой. Руководство монастыря в отдельные моменты не прочь было принять покровительство папы. Так, 14 марта 1476 года папе Сиксту IV была направлена грамота, составленная киевским митрополитом Мисаилом. Называя папу «Всесветлым Серафимом», «вторым Моисеем», «вторым Иисусом Навином», авторы грамоты вымаливали у него всяческие блага, в частности уравнивание православных с католиками¹.

Всех, кто не принял унии, польское правительство объявило еретиками, преследование православия усилилось. Униатский собор в Бресте постановил низложить архимандрита Лавры Никифора Тура, активного противника унии. Король выдал грамоту униатскому митрополиту Михаилу Рагозе на владение Лаврой и ее доходами² и дал соответствующие указания князю К. К. Острожскому, воеводе киевскому. Но когда возный земли киевской Роман Овсянный прибыл с помощниками для передачи Лавры митрополиту Рагозе, королевских чиновников встретили у ворот печерские монахи, за спиной которых стояло много вооруженных людей. Монахи заявили Овсяному: «Мы имеем архимандрита, иного нам не нужно; митрополита в Киеве нет, а Михаила Рагозу, которого за отступничество от православия наши духовные низложили, мы не признаем за митрополита и увязать его в наш монастырь не позволим»³. Неудачной оказалась и вторая попытка Рагозы овладеть Лаврой.

После смерти Рагозы король отдал Лавру новому митрополиту, тоже униату, Ипатию Потюю.

¹ См. *Макарий*, История русской церкви, т. IX, стр. 57.

² См. *Акты Западной России*, т. IV, стр. 108.

³ *Акты Южной и Западной России*, т. II, № 163.

Более того, Потию удалось захватить многие лаврские отдаленные владения в Белоруссии и на Волыни, но Лавру он так и не подчинил. Положение настолько обострилось, что король, боясь крупных волнений, обратился к папе римскому Клименту VIII с просьбой отменить буллу, по которой Лавра Печерская отдавалась униатскому митрополиту. Ставший после смерти Тура во главе Печерской Лавры поборник православия Елисей Плетенецкий сумел отобрать у преемника Потия все бывшие имения Киево-Печерского монастыря, находившиеся в княжестве Литовском. Грамотой 1615 года король утвердил эти имения за Лаврой «навечно».

Униатским владыкам трудно было проводить свою предательскую линию. Народ к ним относился враждебно, не хотел признавать их власти. Митрополит Михаил Рагоза в Слуцке был побит камнями. Ипатия Потия в Вильне один православный дворянин пытался зарубить саблей. Его преемника Вельяминова-Руцкого и его помощников побили во Львове; Антония Грековича зимой 1618 года утопили в Днепре под Киевом и т. д.

Для идейной борьбы с униатами, католиками, укрепления православия в Киево-Печерской Лавре по инициативе архимандрита Елисея Плетенецкого в 1615 году была основана типография — первая в Киеве. Вокруг типографии объединились видные антиуниаты, издававшие полемические сочинения, направленные против унии и католицизма. Книги лаврской типографии находили широкий сбыт не только на Украине, в России, Белоруссии, но и в Молдавии, Румынии, Болгарии, Сербии и других странах. Подавляющую массу лаврской книжной продукции составляли, однако, евангелия, молитвенники, церковные руководства к службам, «жития святых» и прочие богословские книги, посредством которых Лавра пыталась усилить свое влияние на православных.

Типография стала крупным коммерческим предприятием, приносящим Лавре большие доходы. «Много плынет пожитков з друкарской штуки», — писал архимандрит Петр Могила. Часто в типографии печатались книги специально для преподнесения высокопоставленным лицам: царям, царицам, их родственникам, князьям.

Для укрепления позиций православной церкви, и в частности Киево-Печерской Лавры, насчитывавшей тогда 800 монахов, Петр Могила и его последователи начали подготовку к канонизации: в 1635 году по приказанию Петра Могилы

монах Сильвестр Коссов написал на польском языке «Патерикон», а в 1638 году монах Афанасий Кальнофойский — «Тератургиму». В названных книгах прославлялись «печерские святые», которые будто бы совершали в течение многих веков различные чудеса. А в 1643 году в торжественной обстановке митрополит, он же и архимандрит Лавры, Петр Могила канонизировал (причислил к лику святых) 69 лаврских монахов, похороненных в пещерах. Смысл канонизации в условиях острых социальных противоречий и расширения антифеодальной борьбы состоял в том, чтобы сузить размах этой борьбы, свести ее к сугубо религиозным распрям.

Экономическое, политическое, национальное и религиозное угнетение украинского народа со стороны польских панов привело к народно-освободительной войне 1648—1654 годов, закончившейся, как известно, воссоединением Украины с Россией.

Воссоединение Украины с Россией открыло перед украинским народом широкие перспективы экономического, политического и культурного развития, укрепило силы братских русского и украинского народов в общей борьбе с внешними и внутренними врагами.

По поводу воссоединения один из современников-летописцев записал, что «по всей Украине увесь народ з охотою тое учинил» и что, в связи с этим «немалая радость межи народом стала»¹. По-иному отнеслась к воссоединению верхушка украинской православной церкви, в частности Киевский митрополит Сильвестр Коссов, архимандрит Киево-Печерской Лавры Иосиф Тризна и другие. Они всячески противодействовали воссоединению, выражением чего был их упорный отказ подчиниться власти московского патриарха. Коссов и Тризна не желали приводить к присяге на верность России и своих подданных, не хотели иметь никакого дела с русскими воеводами.

Через униатского монаха Макария Криницкого Коссов и Тризна поддерживали тайную связь с гетманом Радзивилом и польскими властями. По приказанию архимандрита Лавры Иосифа Тризны и митрополита Сильвестра Коссова Криницкий занес в луцкие книги протест монахов против воссоединения Украины с Россией. Киевский воевода Ф. Волконский писал Богдану Хмельницкому, что «показывается явная измена многих духовных». Коссову Хмельницкий од-

---

¹ *История Украинской ССР*, т. I, К., 1953, стр. 274.

нажды пригрозил, что утопит его в Днепре, если тот будет противиться политике гетмана.

Любопытен и такой факт: в это время в одной из лаврских церквей составлен был «Помянник», куда занесли в число других митрополитов Михаила Рагозу. Рядом с его именем какой-то писец написал от руки: «Предводитель унии». Встал вопрос — помянуть ли этого ставленника папы римского и польских магнатов. Капитул монастыря вынес решение: «достоин поминания»¹. И это было сделано в период острой борьбы народных масс с унией и католицизмом.

После смерти Тризны и Коссова высшее лаврское духовенство стало более стоворчивым, хотя, пытаясь выговорить себе новые привилегии, в течение ряда лет еще противилось подчинению украинской церкви московскому патриарху. Только в 1686 году лаврский архимандрит и митрополит киевский согласились подчиниться московской патриархии.

В лице царского правительства и правящих классов России Лавра приобрела нового хозяина и покровителя, которому она служила верой и правдой.

Являясь духовной опорой царизма на Украине и в России, Лавра получала от царя, гетмана и знати постоянную политическую и материальную поддержку. В 1658 году грамотой Алексея Михайловича были подтверждены все прежние права и привилегии Лавры на земли, леса, села, города, мельницы, перевозки. Впоследствии Лавре удалось значительно увеличить свои владения, а взамен земель, сел и деревень, отошедших к Польше, получить новые земли, села и деревни как в пределах Украины, так и в русских областях. Тысячи крепостных крестьян тяжким подневольным трудом приумножали богатства монастыря, который все более и более превращался в крупного феодала-эксплуататора.

---

¹ Фонды Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника. «Помянник» № 176.

---

*КРИКОТУН В. Н.,
заведующий отделом научно-просветительной
работы Киево-Печерского государственного
историко-культурного заповедника*

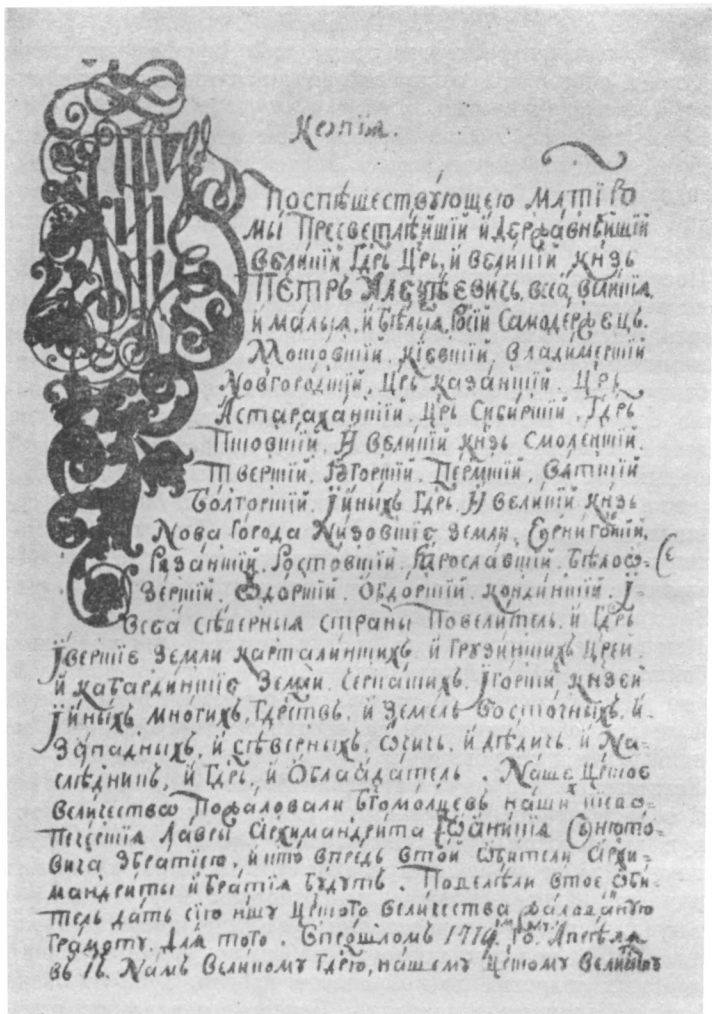
ПОЛОЖЕНИЕ И БОРЬБА КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН ЛАВРЫ во 2-й половине XVIII века

В деятельности Лавры очень ярко проявилась социально-классовая, эксплуататорская сущность религии и ее учреждений. Ненасытная жажда монастырского духовенства к накоплению владений и увеличению количества крепостных, его жестокость по отношению к своим подданным, праздная жизнь в роскоши «владык» и неизмеримые нищета и лишения поработенных ими крепостных крестьян — такова картина лаврской жизни XVIII века.

В 1718 году в Лавре произошел пожар, который уничтожил ряд ценнейших памятников архитектуры, живописи, а также богатейшую библиотеку и архив Лавры. Для истории это была невосполнимая утрата. Но не этим была обеспокоена Лавра.

Пожар уничтожил все документы — дарственные и жалованные грамоты, универсалы, кунчие и прочее, в свое время полученные Лаврой от князей древнерусских и литовских, польских королей, гетманов Украины, русских царей и других лиц. Восстановить их во что бы то ни стало — этим было занято все высшее лаврское духовенство. Лавра обратилась лично к Петру I за подтверждением царских грамот на имеющиеся у нее владения и просила надела новых угодий.

Петр I не мог не учитывать роли Киево-Печерской Лавры в укреплении позиции царизма на Украине. Вот почему, несмотря на свое отрицательное отношение к церковному землевладению, он выдал Лавре в 1719 году грамоту на «монастыри приписные: Брянско-Свенский, Трубчевский,

Копия грамоты Петра I, выданной Киево-Печерской Лавре в 1720 году на владение многочисленными имениями.

Чолнский, Змиевский, Синявский, Омбышский с вотчинами и всякими угодьями по обе стороны рек Днепра и Десны, в Малой России и в державе Польской»¹.

Размеры своих феодальных владений Лавра увеличивала и другими способами: «округлением», покупкой и даже насильственными захватами.

Приведем один любопытный в этом отношении случай. Наиболее опасным конкурентом Лавры среди духовных землевладельцев на Украине был Киево-Михайловский Златоверхий монастырь, владения которого часто соприкасались с владениями Лавры.

Постоянное стремление Михайловского монастыря к увеличению своих владений всерьез обеспокоило Лавру, и она решила действовать контрмерами. Задабривая обещаниями и мелкими подачками своих крепостных крестьян, Лавра организовывала из них вооруженные «списами, обухами, топорами» отряды, возглавляемые монахами, для нападения на владения Златоверхого Михайловского монастыря и силой присоединяла земли последнего к своим. В марте 1742 года лаврские подданные во главе с иеромонахом Антонием совершили нападение на Глеваху — вотчину Златоверхого монастыря². «Я село ваше Глеваху разграбю и разорю»³, — вызывающе ответил эконоом Лавры на протесты архимандрита Златоверхого монастыря.

Как видим, духовный сан не был помехой для подобных разбойничьих действий представителей «святых» обитателей. Так на деле выглядели «образцы» христианской религиозной морали: возлюби ближнего, не противься злу насилеиом, не собирай земных сокровищ.

Естественно, что соседи отвечали Лавре тем же. В апреле 1762 года помещик Путивльского уезда Черепанов во главе вооруженного отряда, насчитывавшего до 50 человек, совершил набег на лаврский хутор Хрещатинский и «лаврских подданных, заковав в кандалы, отправил в Путивльскую тюрьму»⁴. Через некоторое время брат Черепанова во главе отряда из 500 человек повторил набег, во время которого «подданных лаврских до полусмерти избили, а 52 человека в Слободу Поповую отправили». Печерского владыку, одна-

---

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 10, лл. 1—3.

² Там же, оп. 3, д. 21, л. 19.

³ Там же.

⁴ Там же.

ко, не тревожила судьба пострадавших крестьян, его беспокоило то, что Лавре «обида и убыток причинены»¹.

Документы лаврского архива вскрывают много подобных случаев взаимных нападений Лавры и ее соседей на владения друг друга. В многочисленных тяжбах, как правило, выигрывала Лавра, так как ее интересы «свято и непорушно» чтили светские и военные власти. Зато, как свидетельствуют те же документы, от этих междоусобиц духовных феодалов очень сильно страдали крепостные как тех, так и других владельцев.

Следствием грабежей и насильственных захватов явилось то, что в руках Лавры оказались огромные массивы пахотных земель, лугов, лесов, десятки рыболовецких озер и рек.

Лавра тщательно скрывала от народа и правительства размеры своих владений, постоянно жалуясь на то, что ее хозяйство скудно, а монахи бедны. Однако знакомство с инвентарными описями вотчин убеждает в противном. К 26 вотчинам Лавры было приписано 117508 десятины пахотной земли. В 1740 году только в Богдановской и Требуховской вотчинах было собрано около 2 тысяч пудов зерновых, в 1764 году в Смеловской вотчине — около 16 тысяч пудов. В 1784 году в этой же вотчине собрано свыше 40 тысяч пудов хлеба. За пять лет (1781—1786 гг.) из этой вотчины только в Лавру было доставлено 72 тысячи пудов зерна².

На скотном дворе средней по размеру Лосиновской вотчины в 1760 году было 167 рабочих волов, 242 рабочие лошади, 136 племенных кобылиц, 19 жеребцов, 748 овец и много другого скота. В это же время в хозяйстве лаврского села Вышков насчитывалось 192 рабочих лошади, 230 коров, 245 свиней, 120 овец, 10 мельниц, 4 винокурни, пасека на 500 ульев.

В монастырском хозяйстве лаврского села Верещаки (около 50 дворов) было около 1000 десятин пахотной земли, сенокоса на 1086 возов сена, 151 рабочая лошадь, 269 голов рогатого скота, 331 овца, 40 коз, 235 свиней³.

Административные дворы лаврских вотчин представляли собою своеобразные феодальные крепости. Двор Пакульской вотчины, например, был огорожен высоким частоколом, который, в свою очередь, опоясан глубоким и широким, напол-

---

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 131, л. 60.

² Там же, оп. 4, д. 10, л. 26, д. 227, л. 529.

³ Там же.

ненным водою, рвом. По углам ограды стояли сторожевые башни, служившие одновременно и вотчинными тюрьмами. Внутри двора были расположены жилые и хозяйственные постройки, два каменных здания, в которых жило вотчинное начальство, ледник, летняя изба, пекарня, два амбара, возовня, погреб.

Во второй половине XVIII века Лавра имела сотни тысяч десятин пахотной земли, леса, сенокосных угодий, около 200 сел, местечек и городов, до 80 тысяч крепостных, несколько сот промышленных и торговых предприятий. Ей принадлежало около 150 винокурен, свыше 100 мельниц, 11 кирпичных, 4 стекольных, 2 конных, 4 известковых завода, 2 бумажные фабрики, десятки крупорушек и сукновален, пивоварен и солодовен, множество пасек, садов, виноградников, рыболовных озер и т. д.

Эта далеко не полная характеристика лаврского феодального хозяйства позволяет нам поставить вопрос: как же служители Лавры могли проповедовать нестяжательство, пренебрежение земными благами, аскетический образ жизни? Ведь даже церковный историк С. Голубев вынужден был заявить, что, обладая таким несметным богатством, «отцы пещерской обители жили в роскоши, обогащались сами, обогащали своих родных и знакомых»¹.

Кем же создавались эти богатства? В первую очередь крепостными крестьянами Лавры, их потом и кровью. Лаврские крепостные подвергались самой беспощадной эксплуатации, живя в ужасающей нищете.

Сохранившиеся в архивах подробные описания крестьянских хозяйств лаврских сел показывают, что крепостные Лавры бедствовали на мизерных «пляцах» — клочках земли, на которых размещалось 1—3 избы и другие постройки. Эти крохотные наделы с трудом позволяли влачить жалкое существование. Подавляющее большинство лаврских крепостных даже самими монахами относилось к разряду «нищетных». Из подворных описей села Новые Бобовичи за 1767 год можно видеть, что более 70 процентов крестьянских дворов по количеству земли, рабочего и продуктивного скота относились к разряду «нищетных» и бедных: из 147 дворов — в тридцати двух дворах не было рабочего скота вовсе, в сорока дворах не было ни одной коровы, в тридцати двух

---

¹ С. Голубев, Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. I, стр. 244.

дворах насчитывалось всего лишь по одной рабочей скотине, в пятидесяти одном дворе имелось по одной корове. А ведь своим рабочим скотом крестьяне должны были обрабатывать не только собственную землю, но и земли Лавры.

Вторая половина XVIII века была для украинского крестьянства периодом резкого возрастания феодальных повинностей, что прежде всего выражалось в увеличении барщинных работ. Не составляла исключения в этом отношении и Лавра. По многочисленным жалобам крепостных, которыми наводнялся Духовный собор Лавры и другие учреждения, легко проследить процесс усиления феодальной эксплуатации на землях Лавры в XVIII веке. Так, в 1756 году крепостные села Жуковки в жалобе на имя Духовного собора Лавры писали, что если раньше они выполняли барщину Лавре по два дня в неделю от каждого двора по одному человеку, то «ныне ж на панщину не по два дня в неделю, а всякого дня высылают»¹. «Наши предки по два дня в неделю панщины отбывали, затем мы и жены наши работали панщину по три дня в неделю, а теперь и в свято не маємо покою... Не токмо служим панщину, але й побои на шарварках (во время исполнения работ.— В. К.) несносные терпим»², — говорилось в жалобе крепостных сел Люлинец и Дятловцы. Характерно, что Духовный собор Лавры счел необходимым расследовать эту жалобу, и его представитель признал, что подданных Дятловицкого монастыря — люлинецких и дятловицких жителей — тамошний игумен иеромонах Иона излишне отягощает панщиною и «другие причиняет им обиды». Однако и после этого управитель вотчины заявил крестьянам: «Як за прежних городничих — ежедневно отбывали барщину, так и за меня будете отбывать»³.

Во многих жалобах крестьяне приводят перечень обязанностей, которые они вынуждены были выполнять во время отбывания барщины. Так, в одной из жалоб говорится: «Мы отбываем панщину таким порядком: тяглые скотом, а пешие собою орем на ячмень, на овес, на пар, сеем и волочим, всякую пашню убираем, возим и молотим, заготавливаем на зиму сено, огороды городим, овец стрижем, вовну прядем, конопля мочим, трем и прядем, в пасаках работаем...

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2065, 1756 г., л. 1.

² ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2186, л. 1.

³ Там же, д. 2544, л. 1.

и т. д., почему многие от такого отягощения лишены и дневного пропитания и бедного хозяйства»¹.

Как бы в ответ на многочисленные жалобы крестьян о непомерном росте барщины и дани Духовный собор Лавры принял и разослал во все вотчины постановление, в котором говорится: «Дань давать по-прежнему, сено снимать по-прежнему, неводы, рыболовные челны и до них сети исправлять по-прежнему, за пользование сенокосами ежегодно от каждого села давать по 100 возов сена, хмель давать, возить дрова до винокурен и дворцов, давать подводы для перевозки разных лиц, огороды обрабатывать, ежегодно от каждого села в Лавру высылать четырех человек или вместо них по 10 рублей деньгами за каждого, сторожей давать по-прежнему»².

Следует обратить внимание на то, что в тех случаях, когда Лавра в своем хозяйстве прибегала к наемной силе, то работнику без специальности она платила 3—5 рублей в год. Сама же, как видим, вместо работника требовала не 3—5 рублей, а круглую цифру — 10 рублей, за которые монахи нанимали не одного, а три человека. Словом, и здесь перед нами выступает уже не проповедник, а расчетливый хозяин.

Жестoko эксплуатируя своих крестьян и многочисленными поборами до основания разоряя их хозяйство, Лавра опиралась на зажиточную верхушку села, которая в связи с этим от повинностей освобождалась. «Так мы, нижайшие, подлежащие за них повинности и поныне всегда отбываем, от чего нам обида и отягощение есть»³, — писали крепостные Лавры в одной из многочисленных жалоб.

Итак, во второй половине XVIII века барщина в лаврских вотчинах доходила до шести и семи дней в неделю от двора. Но кроме барщины крестьяне отбывали и целый ряд других повинностей как в пользу Лавры, так и в пользу государства.

Крестьяне платили Лавре постоянный, строго установленный налог за землю хлебом, другими продуктами и предметами хозяйственного и бытового обихода. В зависимости от количества находившейся у них земли и сенокоса, рабочего, товарного скота и размера семьи этот налог колебался от 1 до 3 рублей в год.

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 1672, л. 1.

² Там же, д. 1951, лл. 1—15.

³ Там же, оп. 4, д. 182, л. 25.

Кроме того, в пользу Лавры взималась «порешетщина», т. е. налог за помол хлеба в лаврских мельницах, за выгонку дегтю и горелки, за сенокосы и пастбища, за венчание, за проезд через лаврские реки. Все натуральные и денежные поборы лаврских крестьян ко II половине XVIII века так же резко возросли. В одной из жалоб говорится, что «до 1760 года мы давали рыбу только по праздникам, теперь требуют еженедельно. Кроме того, если раньше связка рыбы состояла из 5-ти рыбин — теперь она должна состоять из 50-ти; раньше от каждого двора в год требовали древесного угля по одному мешку — теперь требуют по одному байдаку (10—15 мешков.— В. К.). Прежде вместо ведра меду требовали 50 копеек — теперь требуют два рубля»¹.

К этому нужно прибавить еще чисто «духовный налог», взимавшийся на «персону архимандричью по рублю, на даничего по рублю, на управителя по рублю, на городничего по 50 копеек, на шафара по 20 копеек, служителей архимандричьих по 30 копеек»².

В таком же размере и на тех же духовных лиц два раза в год — перед рождеством и пасхой — взимался так называемый ральцевый денежный и натуральный налог в виде кур, яиц, масла, меду и т. п. Крестьяне ежегодно должны были поставлять Лавре различные предметы хозяйственного обихода: мелкий инвентарь, строительные материалы и т. д.

Помимо всего этого крестьяне Лавры на общем основании платили подушное и военный налог в пользу государства — на содержание армии — деньгами, продуктами, фуражом, собиравшимися специальными военными уполномоченными.

Поборы в пользу Лавры и государства разоряли хозяйство крестьян до такой степени, что многие из них уже вообще не могли быть плательщиками; это вынуждено было признать и вотчинное начальство, и сборщики дани. В одном из рапортов этих сборщиков читаем: «Подданные Киево-Печерской Лавры по их нынешним нуждам ко удовольствию 9-й роты Вятского драгунского полку надлежащие дачи выстачить отнюдь не состоятельны»³. Об этом же рассказывают сами крестьяне Лавры в своих многочисленных жалобах. Так, в жалобе крестьян села Шиловичи говорится, что от непомерных поборов многие крестьяне села бежали, а оставшиеся «пришли в крайнюю нищету, что не только тех

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2519, л. 1—2.

² ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 98, л. 16.

³ Там же, д. 133, л. 70.

консистентских дач и подданныхческих повинностей отбывать, но и сами себя прокормить не в состоянии»¹.

Ловкие монахи и здесь находили выход: в лаврских вотчинных селах был установлен порядок, при котором за повинности отдельных дворов отвечала вся сельская община. Умер ли, ушел ли в армию, бежал ли или куда-нибудь еще девался из села крепостной — все недоимки должны были погашать за него оставшиеся в селе крестьяне.

Рост барщины и дани в лаврских вотчинах во 2-й половине XVIII века был связан с общим усилением крепостничества в Российской империи, с развитием мануфактурной промышленности и торговли. Кроме того, в это время Лавра в своих вотчинах и в Киеве осуществляла огромное строительство. Все это требовало строительных материалов, денег, продуктов и рабочей силы.

В поисках выхода из невыносимо тяжелого положения в 60—70-х годах XVIII века крестьяне Лавры все чаще стремятся перейти на денежный оброк (чинш) в надежде, что это облегчит их положение. Лавра охотно шла на это, особенно в тех случаях, когда у крестьян было мало или совсем не было рабочего скота, а в семье было мало работников.

Однако, переведя крепостного на чинш и обязавшись «не употреблять его впредь в панщину», лаврское вотчинное начальство далеко не всегда оставалось верным своему слову. Переведенный на чинш крестьянин Грозаной писал в своей жалобе в Духовный собор Лавры: «Васильковский управитель иеромонах Иларий неослабно принуждает меня нижайшего панщину отбывать»².

В результате перевода крестьян на чиншевый оклад Лавра дополнительно выколачивала из них огромные суммы. Только с трех волостей (Попогорской, Лишицкой и Бобовицкой) в шестидесятых годах XVIII века ежегодно она собирала до двух с половиной тысяч рублей чинша³.

Кроме налога на содержание армии, крестьяне Лавры обязаны были отбывать и воинскую повинность, посылая «от каждых 500 душ двух человек в рекруты»⁴. Как известно, срок службы в армии тогда равнялся 25 годам, и воинская повинность была тяжелым бичом для крепостного крестьянства. Тяжесть эта увеличивалась еще и тем, что за ушедших

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2539, л. 1.

² Там же, д. 2607, л. 1.

³ Там же, д. 2103, л. 26.

⁴ Там же, оп. 4, д. 222, л. 1.

на долгие годы в армию их семьи все эти годы должны были до следующей ревизии платить «подушное и другие указные выстатчения»¹.

Помимо непосредственной службы в армии во время войн, а они, как известно, во второй половине XVIII века были довольно частыми, крестьяне Лавры привлекались «в обоз и на фортификационные работы». Когда в 1756 году началась война между Россией и Пруссией, на крестьян Лавры распространялся царский указ о 8-тысячном наборе малороссийских крестьян на сооружение фортификационных укреплений. На эти работы из сел Лавры брали «не моложе 15 и не старше 40 лет, здоровых, со всем провиантом и нужной для зимы одеждой и обувью»².

Обязанность полного обеспечения отправляющегося на работы и его семьи должна была брать на себя сельская община.

Однако, выполняя массу повинностей, сельская община часто просто не в состоянии была взять на свое содержание семьи ушедших на фронт. «Мы платить не можем,— писала Сорокошицкая сельская община,— потому что всего нашего имущества на уплату долга не хватит»³. Более того, Лавра даже не освобождала семьи ушедших в набор от барщины, хотя по существующему положению обязана была это делать.

В результате и отправившиеся на фортификационные работы, и их семьи оказывались в очень тяжелом положении. Вот одна из многих иллюстраций этого. Крепостной Лавры, житель Кухмистерской слободы Калека, оставив жену и 5 малолетних детей, по решению «громады» и Лавры отправился в Ревель на фортификационные работы и пробыл там 5 лет. Вернувшись в 1760 году домой по болезни, он застал свое хозяйство в полном разорении, а семью голодную. «Почему не только имеющих малолетних детей, но и самого себя прокормить не могу»⁴,— писал крепостной Калека и просил уволить его на некоторое время от барщины.

Перед нами целой вереницей проходят подобного рода жалобы. Они составили огромное дело, почти в 600 листов, рассказывающее о неисчислимых бедствиях и страданиях, в которые ввергнуты были крепостные Лавры в связи с их

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2103, л. 26.

² ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2047, л. 1.

³ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 2047, л. 252.

⁴ Там же, л. 200.

участием в сооружении фортификационных укреплений. Как же реагировала Лавра на многочисленные жалобы, «всепокорнейшие доношения» жертв набора?

На этот вопрос ответ дают сами крепостные. Крестьянин села Дымерки Иван Подорожный, вернувшись после долгих лет из набора больным и застав в страшной нищете семью, как и многие другие, обратился к архимандриту Лавры с просьбой освободить его на время от барщины. «При этом же он, отец архимандрит, милостиво обнадежил дать мне на некоторое время свободу, но свободы мне не учинено и во всякие подданнические работы меня нижайшего употребляют без малейшего послабления»¹, — свидетельствует Подорожный.

Жестокая эксплуатация крепостных дополнялась невыносимо тяжелыми условиями их быта. Поскольку барщина и дань Лавре и государству взимались со двора, а не с человека, крестьяне стремились не дробить дворы, а, напротив, укрупнять их. Нередко несколько женатых сыновей, а иногда и внуков, оседа в отцовском или дедовском дворе, образовывали своеобразную общину, объединявшую иногда до пяти отдельных семей. На крохотной крестьянской усадьбе ютилось, как правило, от одной до четырех хат, клуна, сарай и другие постройки. Крестьянские постройки в то время, как правило, были деревянными, крытыми соломой, устройство печей в крестьянских избах было примитивным. В таких условиях пожары и различные эпидемии (чума, холера, черная оспа и др.) были частыми гостями у крестьян. «По ревизии 1764 года в селе Хотово было 76 хат, — писали хотовские крестьяне в своей жалобе Лавре, — в результате пожара и двоекратных заразных болезней в 1770 году осталось только 53 хаты, из которых заселено 43... Всех нас теперь противу ревизии числа не имеется и половинной части»².

Тяжелую картину представляло положение крепостной женщины. Ведь даже брак крепостных Лавры находился в полном ведении ее Духовного собора и мог быть осуществлен лишь после внесения специального налога «деньгами или скотом»³. Исключительно тяжелой для крестьян Лавры была проблема второго брака и особенно в том случае, если каждый из вступающих в брак имел самостоятельный двор.

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вочч., оп. 1, д. 2047, л. 247.

² Там же, оп. 4, л. 194.

³ Там же, д. 227, л. 22.

При таких браках два двора сливались в один и таким образом Лавра теряла одну «тяглую» единицу. Не случайно крепостным Марине Халявченко, муж которой был осужден к пожизненным каторжным работам, и вдовцу Захариию Седнею, находившимся в фактическом браке на протяжении многих лет, Лавра так и не разрешила брак. При этом она отыскивала всевозможные причины — кумовство и прочее, действительной же причиной было то, что и у М. Халявченко и у З. Седнея были самостоятельные тяглые дворы. Вот почему Лавра, взимая повинности с двух дворов, сквозь пальцы смотрела на «незаконное» сожителство Халявченко и Седнея, заявляя, что «вступить им в брак позволение уверить сумнительно»¹.

Воссозданная по документам картина положения крепостных крестьян Лавры будет неполной, если не рассказать о том, как печерские «отцы» в своих вотчинах обращались со своими крепостными.

Многие документы свидетельствуют о том, что монахи по любому поводу и безо всякого повода грабили крестьян, взимали с них штрафы, сажали в тюрьмы, избивали, забивали в колодки, заковывали в кандалы, сажали на цепи, а нередко и убивали.

О невероятном варварстве монахов рассказывают жертвы-крепостные в своих многочисленных жалобах. Например, в жалобе крестьян села Буромка говорится, что приказчик Иван Некрашевич «обиды и разорения, а иным и смертные убийства причинял, наши сады и хаты порубил и в винокурне попалил, сторожа дворцового Сидора так побил, что тот умер»².

В июне 1787 года приказчик лаврской Троещанской вотчины Андрей Роговенко Красиловского жителя Мартына Менжиченко «бил смертным боем; первое ударил 200 раз, потом 20, а третий раз по брюху ударил 10 раз»³. Только смерть избавила Менжиченко от дальнейших пыток.

Лаврские крепостные Богушковской слободы для того, чтобы уплатить налоги государству и Лавре, вынуждены были продать некоторое свое имущество. «А за такую вину взят я от жены и детей под арешт и две недели сидел в железках (в кандалах.— В. К.), а на третью неделю в колодку забит и от уже так я тут страдаю, а жена моя с детками

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 138, л. 57.

² ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 154, л. 1.

³ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 2799, лл. 30, 39.

На монастырском поле. (С картины худ. Александрова).

малолетними скитается и погибает»¹.— писал в жалобе крепостной этой слободы Швец.

Вряд ли эти факты нуждаются в комментариях. Крепостной даже по законам феодального строя не совершил никакого преступления, но наказан словно какой-нибудь разбойник и убийца. И наказывали-то монахи — проповедники христианского «милосердия». В оковах содержали узников своих они не в государственных, а в собственных тюрьмах.

Крепостной лаврской Буромской вотчины Виноградский в 1785 году в своей жалобе Лавре сообщил о том, что здешний приказчик Захарий Попельницкий «причинил обиды и бесчестия держанием за шею на железе в коморе той, где деготь содержится, а потом от его немилосердного бою и увечия я нахожусь тяжело больным»².

Трагическую картину рисует в своей жалобе лаврский крепостной Лосиновской вотчины Матвей Шрам. Его отец — Антон Шрам, будучи тяжело больным, пас монастырских овец и умер на этой работе. После смерти отца сын Матвей по приказу вотчинного начальства занял его место, но вследствие того, что семья Шрама голодала, он вынужден был «отлучиться на сторону для заработка к пропитанию себя, жены и детей хлеба»³. В отсутствие Матвея Шрама приказчик вотчины вызвал в монастырский двор его жену и неведомо за что посадил на цепь. «Когда моя жена домой вернулась, — пишет в своей жалобе Шрам, — то через семь дней умерла»⁴. Даже представитель Лавры, расследовавший обстоятельство убийства жены Шрама, вынужден был признать вину приказчика.

Однако Духовный собор Лавры, вместо того чтобы наказать убийцу, сослался на статут малороссийский (раздел IV, артикул 77) и определил:

«1. Приказчика от нанесенного на него Шраменком вышеописанного порока свободно оставить (т. е. оправдать.— В. К.), а истцу вечно в иску во всем отказать. Чтобы впредь никто приказчика не посмел больше порицать.

2. Для того послать городничему Лосиновскому ордер и велеть, чтобы он всем подданным тамошним прочитал его вслух.

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 1492, л. 1.

² Там же, д. 227, л. 1.

³ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4.

⁴ Там же, л. 39.

3. Отобранный от Шраменко скот отдать приказчику в качестве вознаграждения за верную службу»¹.

Положение крепостного в лаврском вотчинном хозяйстве мало чем отличалось от положения раба. Как видим, его так же, как и раба, могли не только бить, но и убить, и за это, как и за убийство раба, Лавра не несла никакой ответственности.

Крепостной, житель села Люлинец, Федор Игнатович в своей жалобе рассказывает, как управитель вотчины перомонах Дорофей «взял сына моего в монастырь и там бил его, от которого его смертного бою сын мой от его рук и умер»². После смерти крепостного остались малолетние дети и жена, «а отец Дорофей, убивши сына моего, все его имущество забрал», — писал Федор Игнатович.

Крепостной того же села Алексей Давиденко в своей жалобе сказал, что Дорофей отнял у него и его брата землю, а «в дополнение еще и денег вымагал». Когда же Давиденки отказались внести деньги, Дорофей их «порознь в тюрьмы посадил, а Стефана в колодки забил и бил плетью нещадно»³.

Известный своей свирепостью и алчностью Дорофей превратился в страшную грозу для крепостных, которых он грабил, избивал и убивал.

Жалобы на зверские нравы Дорофея Духовный собор Лавры поручил расследовать игумену Дятловицкого монастыря Руфу, который установил, что Дорофей «сына Игнатовича коваля, Ивана Игнатовича, ударил не более 50 раз». Получив такое доношение, Духовный собор решил: «Федора Игнатовича для пресечения и в страх прочим наказать публично плетью»⁴.

Неудивительно, что такие решения Духовного собора Лавры воодушевляли Дорофея и ему подобных на очередные избияния и убийства своих крестьян. Об этом свидетельствуют жалобы крепостных Лищицкой вотчины, управляющим которой был позже назначен Дорофей.

Вот лишь один эпизод из его дальнейшей «деятельности».

В августе 1771 года к Дорофею пришла делегация крестьян просить возместить им убытки. Дорофей вышел навстречу крестьянам и, не спрашивая, зачем пришли, «начал

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 2799, л. 48.

² Там же, оп. 1, д. 3046, л. 1.

³ Там же, л. 32.

⁴ Там же.

бить кулаками по лицам, голове»¹. Возглавившего делегацию крестьян крепостного Круглякова Дорофей избил до полусмерти. В этой же жалобе говорится о том, что Дорофей завязывал крепостных в мешок «и мучил, подобие как он, Дорофей, многих лаврских подданных малороссийских, надевши на голову мешок, мучительски плетью бил до тех пор, пока у них кровь ушами не лилась»².

Даже в тех случаях, когда лаврские крепостные выходили замуж за вольных, — их дети от прежнего брака записывались в число лаврских подданных. Так случилось, например, с крепостной села Пуховка Устиной Марченко. После смерти мужа Устина Марченко вышла замуж за броварского казака Денисенко. При уходе Устины Марченко из села Пуховка в Бровары к своему второму мужу Лавра оставила в своем распоряжении все ее хозяйство: землю, усадьбу, постройки, скот. Но самое ужасное состояло в том, что при этом Лавра оставила и ее двух малолетних сыновей. Когда же Устина одного из них взяла с собой в Бровары, Духовный собор Лавры принял решение вернуть его обратно в Пуховское имение по-прежнему в подданство лаврское, «так как оные — сыновья Устины Марченко есть действительно лаврские подданные»³.

Приведенные выше материалы показывают, что юридически и политически лаврские крестьяне были низведены до положения рабов. Лавра превращала свободных крестьян в крепостных, под любым предлогом присваивала их имущество, непомерно эксплуатировала их. Вотчинные власти (управители, городничие, келари, приказчики и др.) забивали крестьян в колодки, заковывали в кандалы, привязывали в собственных тюрьмах на цепь, жестоко избивали, морили голодом.

Многочисленные жалобы крестьян всегда оставались безответными. Лаврский монах не нес никакой ответственности даже в том случае, если он убивал крепостного. Правда, Духовный собор Лавры, рассматривая эти жалобы, иногда «наказывал» своих «отцов», но эти «наказания» были весьма великодушны.

Естественно, что насилия порождали протесты, и в предотвращении их монахам мало помогала их проповедь сми-

¹ ЦГИА УССР, Ленинградский филиал, фонд Святейшего синода, № 796, д. 153, л. 370.

² Там же.

³ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, 227, л. 410.

Узник прикованный к столбу в Лаврских пещерах.
(С рисунка голландского художника
Ван-Вестерфельда. 1651 г.)

рения и покорности. Преобладали пассивные формы протеста — жалобы, отказ от выполнения барщины и дани, побеги, однако все более частыми становились вооруженные выступления, сопровождавшиеся разорением вотчин, убийством монахов.

Самой распространенной формой антикрепостнического протеста на лаврских землях оставались побеги. Лаврские архивы сохранили сотни донесений управителей волостей о побегах крепостных.

В 1783 году приказчик лаврской Сваромльской вотчины писал в Лавру о том, что убирать хлеба и другие работы выполнять в хозяйстве вотчины некому, так как «все подданные в степные места ради заработку хлеба ушли и остались одни только престарелые да малолетние»¹. Управитель Га-

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 1640, лл. 1, 4.

лактион писал о том, что подданные слободы Ардонь «з семьями и со всеми пожитками бежали, за которых оставшиеся всякие общенародные и монастырские повинности отбывать должны». Спустя некоторое время он же сообщал о бегстве еще восьми семей из той же слободы.

Сведения о бегстве крестьян из лаврских вотчин поступали в канцелярию Духовного собора отовсюду. В связи с этим в 1783 году Духовный собор Лавры вынужден был констатировать, что «владений сей Лавры подданные, записанные за Лаврою по нынешней ревизии, многие из-под владения лаврского в другие владения чинят побег и тем Лавре делают немалый убыток».

Естественно, Лавра не в состоянии была собственными силами бороться с бегством крестьян из ее вотчин. Она, как и всякий другой помещик, прибегала к помощи государственных властей. Оказавшись перед фактом массового бегства крестьян из лаврских вотчин, Духовный собор в апреле 1785 года постановил: «Лаврскому эконому соборному старцу иеромонаху Захарию и всем управителям вотчинами лаврскими послать указы и велеть крайним наблюдением верности сочинить об бежавших от 1773 года мужска и женска пола людях, подданных Лавры, прислать в Духовный собор в самое крайнее время с нарочным для отправления в Киевский нижний земский суд»¹.

В лаврских вотчинах имели место и организованные отказы крестьян от выполнения барщины и других повинностей. Крепостные села Богородицкого Лищицкой волости «через прошедшие 1763—1764 годы подлежащей от них подданнической повинности не отбывали»². Точно так же поступили крестьяне сел Рудня и Макаровка, которых «к козье беге травы никоим образом нельзя заставить»³.

В обстановке нарастания в стране антифеодальных выступлений масс крестьяне Лавры переходили и к более активным методам борьбы со своими угнетателями, оказывали им организованное сопротивление. Так, в июне 1767 года городничий лаврской Пуховской экономии монах Иуст в донесении в Лавру писал, что, когда он хотел заставить косарей работать быстрее и попытался одного из них побить и «только ухватил за волосы, чтобы поскубти, то свойственные за согласия первые, завидя это, прибежали, схватили меня за

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 4, д. 227, лл. 630; 633.

² Там же, д. 3055, л. 1.

³ Там же.

горло и сильно задавили и за бороду стали рвать, а потом Каленик прискочил и имевшимся у него в руках брусом так сильно ударил в бок, что я свалился на землю и некоторое время без сознания лежал»¹.

Духовный собор Лавры быстро отреагировал на это донесение и постановил: выехать на место, допросить и «первейших того бою зачинщиков перед громадою Пуховскою и Роженскою в страх другим телесно наказать». Для расправы над крестьянами Лавра послала соборного старца с уставниками, который, приехав в Пуховку, зачинщиков — Ткача, Киренкова и других «при вышеописанной громаде плетью непоблажно наказал»².

В 1768 году значительная часть Украины была охвачена мощным антифеодальным движением, вошедшим в историю под названием «Колиивщины». Отголоски его достигли и Киево-Печерской Лавры. В связи с этим Малороссийская коллегия приняла специальное решение, которое призывало «жестоко искоренять и беспощадно наказывать воров и разбойников»³. В этом же постановлении крепостные предупредались, что, если в каком-либо селе будут обнаружены подобные лица, все жители села будут платить штраф в размере до 10 рублей. Духовный собор Лавры широко оповестил об этом решении своих крестьян. Однако и после этого власти вынуждены были констатировать, что «разбойнические нападения до ныне не пресечены»⁴.

1777 год характеризуется усилением борьбы крестьян Киево-Печерской Лавры против своих угнетателей. Об этом убедительно свидетельствуют донесения управителей Пироговской, Дымерской и других лаврских вотчин.

В одном из документов, например, рассказывается, что в июне 1777 года на уборке хлеба в Пироговской вотчине управитель этой вотчины Иона, чтобы «впредь в отправлении монастырских повинностей и грубостей перед начальством никаких не делали», пытался побить крепостных Грицька Гузуму, Марка Починка, Василия Беспечного и других. Но «пироговцы» заявили протест и, разъярившись, «бросились все до меня с косами». «Святой» отец вынужден был просить у своей паствы помилования, иначе, пишет он, «следовало мне быть не без смертного убийства». Оставив

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 3028; л. 2.

² Там же, оп. 1, д. 3031, л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 4.

на сенокосе перепуганного управителя, восставшие крестьяне напали и на вотчинный двор, разобрали имущество, разрушили постройки, прогнали все местные власти, «по своему праву избрали и поставили войта» и отказались выполнять какие бы то ни было повинности»¹.

В результате отказа пироговских крестьян от барщины 108 десятин ржи и много десятин других культур пришлось «убирать наемными людьми из местечка Печерска, которых тогда принужден был я и поить, и кормить, и платить им, дабы не совсем оное простояло жито, а за выжатое тогда пришлось платить по 8 копеек за копу», — писал в своем доносении в Лавру управитель вотчины. Заканчивая рапорт, эконом вынужден был констатировать, что «пироговцы единомышленны»².

Инициатор и организатор протеста пироговских крестьян Марко Починок «чрез целый месяц май на монастырской работе не бывал и сказывал: вот я в Лавре мурашки ловлю и не стану вам удвое работать панщину»³. Как видно из других документов, Марко Починок и Кирилл Пономаренко на протяжении целого месяца склоняли крестьян к восстанию. В результате пироговские крестьяне во главе с Починком «монастырскую огорожу обломали и попалили, мельницу и греблю по обыкновению ежегодно должны были починять без панщины, но того за их пироговцев крайним преслушанием хотя и многократно приказывается, не делают».

Когда же начальнику вотчины с трудом удалось привлечь пироговских крестьян к выполнению повинностей, то «они во всем делали вред». Собранные для починки плотины, крестьяне не только не чинили ее, но даже дальше разрушали⁴. При обмолоте хлеба половину зерна пускали в солому и мякину, скирду сложили таким образом, что она снизу и доверху промокла. «Все они, пироговцы, делают неверно и не в пору... Когда себе совсем посеют и уже всходит их жито или другая пашня, то тогда лишь собираются итти пахать на панщину»⁵, — жаловался управитель.

Надежды монахов на то, что пироговские крестьяне со временем уgomонятся, оказались тщетными. И через год после начала восстания управитель Иона продолжал засыпать

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 3853, л. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же, л. 8.

⁵ Там же.

Лавру тревожными донесениями о том, что «пироговцы весьма необычные противники, немалую škоду в Голосиевской пустыне и во всем господарстве делают»¹. Для очередного «увещевания» пироговцев Лавра послала эконома, который должен был прочесть им «резолюцию». Все крестьяне вотчины были собраны ко дворцу. Но «они, пироговцы, ордера лаврского не выслушали, тотчас же все внезапно загучали, а другие из них в двери из надворья ногами били, иные же из пироговцев в окна дрались, кричали, мерзкими словами бранили. Починков сын Исидор прибежал с кием. И так они, пироговцы, нимало не смирились, как были во всем преслушны и противны, так и поныне находятся»².

Как видим, это были не эпизодические выступления крестьян, а упорная, продолжительная борьба, причинившая Лавре много хлопот.

Почти одновременно с пироговскими крестьянами против жестокой эксплуатации Лавры выступили крестьяне Дымерской вотчины. 1 июня 1777 года приказчик Дымерской вотчины Новицкий сообщал в Лавру: «Сего июня 1-го дня з самого ранку выехал я на лаврский лан, где было 36 сох, но з того числа взбунтовавшиеся самовольно от оранки за версту прочь в село сойшли... Когда же я к ним приехал с двумя боярами и возвращать начал, чтобы докончить оранку одного лану, то они все гонились за боярами, а потом бросили бояр — за мною и, ухватив за поводья лошадь мою, сказали: — Не пойдем. Тут мы тебя поймали и убьем, — и начали бить истыками на подобие киев в груди, по плечам и по рукам и причинили на теле знаки»³.

На сей раз монахи действовали решительнее. Приказчик Дымерской вотчины вызвал из Гоголевской сотни отряд казаков, которые с помощью духовенства варварски расправились с восставшими. Вот что об этом рассказывали жертвы этой расправы. «Прислали казаков, напоили их горелкою и всех нас перелавливали и где попало били»⁴. Крестьяне имели неосторожность пожаловаться Духовному собору Лавры на произвол вотчинного начальства. Как и следовало ожидать, собор постановил: «Зачинщиков телесно наказать при всей громаде»⁵.

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., оп. 1, д. 3853, л. 12.

² Там же.

³ Там же, д. 3862, л. 6.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же, л. 9.

В назначенный день ко дворцу Дымерской вотчины были собраны все жители вотчины. Сюда же вместе с лаврским начальством прибыли казаки и бояре. Огласив список зачинщиков, представитель Лавры объявил, что последних будут сейчас пороть. Услышав это, «более 40 человек, будучи возмущены, бросились все с кельи на двор. Причем я, вышедши за ними на ганок и в силу их ярости начал тут же увещательный разговор. Они несколько на время умягчились, тогда я велел самых виновных наказать пред всей громадой, то они все закричали — «Не допустим!». Когда же я сам только тронулся его взять, приказывая при том боярам брать, то вдруг все взбунтовавшиеся бросились к боярам, а меня, ухватя близ груди за кафтан, таскали от ганку мало не на половину двора и едва я с рук их освободился». После этого восставшие «с криком, шумом и бранью бунтом отошли»¹.

Видя такое единодушие и упорство дымерских крестьян, Лавра вынуждена была отступить. Она объявила крестьянам о том, что впредь тягости будут уменьшены, а вотчинное начальство заменено. Но когда крестьяне успокоились, барщину и другие повинности они отбывали по-прежнему.

Приведенные факты о выступлении лаврских крепостных крестьян в ее вотчинах свидетельствуют о том, что в своих взаимоотношениях крестьяне и вотчинное начальство были непримиримыми врагами. Крепостные относились к духовным «отцам» совершенно так же, как и к светским феодалам. Это и понятно. В своей жизни лаврские монахи слишком много времени уделяли заботам о земных благах и меньше всего думали о «ближних». Нет ни одного факта, ни одного случая, когда бы лаврский монах проявил заботу о своих подданных, постоянно пребывавших в изнурительном труде, голоде, нищете. Монашеские сердца были наглухо закрыты к страданиям тех, кто своим потом и кровью создавал им сытую, роскошную жизнь.

На протяжении своего существования Киево-Печерская Лавра, усердно проповедуя и укрепляя в сознании трудящихся религиозную идеологию, вечность и незыблемость эксплуататорского строя и его основы — частной собственности на средства производства, с немалым усердием сама накапливала огромные богатства.

---

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. вотч., д. 3862, л. 9.

Известно, что во второй половине XVIII века церкви принадлежала почти $\frac{1}{3}$ пахотных земель и других угодий в стране.

Нуждаясь в землях, Екатерина II в 1764 году провела секуляризацию церковных земель в России, а в 1786 году — на Украине.

Лишилась основных своих владений и Лавра. В указе от 10 апреля 1786 года о Лавре говорилось, что лаврские монахи обзавелись огромными богатствами, которые мешают им заниматься духовными, т. е. религиозными делами. «Дабы впредь оно не было, повелеваем отобрать от Лавры все ее владения и передать в казну».

Это, однако, ни в коей мере не отразилось на богатствах монастыря. Будучи эксплуататором-феодалом, Лавра вскоре стала и крупным капиталистом-эксплуататором.

---

*ШИДЕНКО В. А.,
заведующий отделом истории
Киево-Печерского государственного
историко-культурного заповедника*

ЛАВРА — КРУПНЕЙШИЙ КАПИТАЛИСТ- ЭКСПЛУАТАТОР

В 1786 году обширные земельные владения и угодья Киево-Печерской Лавры в интересах дворянства были отобраны царским правительством в казну, а сам монастырь был переведен на содержание государства. Отобрав у Лавры огромные владения, Екатерина II сделала все, чтобы не обидеть монахов. За особые заслуги Лавры перед самодержавием она оставила им 3000 десятин лучших пахотных, так называемых «просфирных» земель, около 1000 десятин сенокоса, несколько садов, виноградников, рыбных озер, часть скота, различные предприятия и прочее. Кроме того, государство взяло монахов на свое содержание, т. е. выплачивало им ежемесячное жалованье.

Лаврские угодья были расположены преимущественно в окрестностях Киева, т. е. в непосредственной близости к монастырю. Огороды и сады полностью обеспечивали монахов и послушников овощами и фруктами. В лесах с давних времен развивалось пчеловодство. В XIX веке на четырех лаврских пасеках насчитывалось до 1500 ульев, дававших братии мед и воск для изготовления свечей.

На лаврских сенокосах ежегодно собирали до 50 000 пудов сена, часть которого шла на корм 400 лаврских волов, коров и лошадей, а остальное — продавалось.

Ежегодно монахи Лавры потребляли до 1500 пудов рыбы, вылавливаемой в монастырских озерах: Тарасовских, недалеко от города Остра, Пуховских — в 25 верстах от Киева и озере Тельбин на Кухмистерской слободке. Общая площадь зеркала этих озер — более 300 десятин. На рыболовных

станах под наблюдением монахов-смотрителей работало до двадцати рыбаков. Рыба в сушеном или свежем виде сбывалась покупателям. Причем на сторону продавалась мелкая рыба, а вся крупная оставалась для удовлетворения монастырской братии¹.

Большие доходы давала лаврская типография, которая во второй половине XIX века была значительно усовершенствована. В 1859 году в ней установили паровую скоропечатную машину, приводившую в движение два станка. Несколько позже для типографии из-за границы были выписаны новые станки, а в 1863 году для печатания изображений видов Лавры была создана хромолитография. К началу XX века по техническому оснащению лаврская типография не уступала лучшим европейским типографиям. Ежегодно она выпускала до 100 тысяч экземпляров книг и более 130 тысяч листов и молитв, на что расходовалось около 6000 стоп бумаги (стопа — 500 листов)². Среднегодовой доход лаврской типографии в начале XX века составлял более 100 тысяч рублей³.

Доходным предприятием был также лаврский свечной завод. До середины XIX века завод базировался на тяжелом ручном труде и вырабатывал не более 500 пудов свечей в год. Затем свечное производство Лавры постепенно механизировалось. В 70-х годах были установлены два паровика в три и четыре лошадиных силы. Производительность свечного завода вследствие этого заметно повысилась: теперь он выпускал в год более трех тысяч пудов высококачественных свечей. Доходы от свечного завода в 1913 году превышали 134 000 рублей.

Кирпичные заводы Лавры целиком обеспечивали потребности строительства и ремонта разнообразных монастырских сооружений. До секуляризации их насчитывалось в Лавре десятка полтора. Один из них, устроенный в 1723 году на Нижней Лыбеди, был оставлен за Лаврой. На нем работало около пятидесяти рабочих. На заводе производилось от 550 тысяч до полутора миллионов штук кирпича, часть которого продавалась. В большом количестве продавался также и щебень. С устройством в 1887 году гофмановской печи для обжигания производство и качество продукции кирпич-

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., оп. 1, д. 2303, бухг. 1, д. 1930.

² См. там же, д. бухг., оп. 1, д. 2039, лл. 38—39.

³ См. там же, д. общ., оп. 3, д. 522.

ного завода заметно улучшилось¹. По давнему обычаю завод каждый год отдавался подрядчикам в аренду. В общих доходах монастыря прибыль от кирпичного завода занимала 5—8 процентов.

Лавра имела четыре водяных мельницы — три в Голосеево и одну на Нижней Лыбеди. В год они перемалывали до 15 тысяч пудов зерна. В 1887 году монастырь открыл на реке Лыбедь паровую мельницу с лесопилкой при ней. Это резко повысило производительность труда. В начале XX века на паровой мельнице каждые сутки для монастыря и заказчиков перемалывалось до 2200 пудов зерна. За год мельница перемалывала до 130 тысяч пудов зерна, она давала монахам несколько тысяч пудов муки, взимавшейся за помол, и до 10 000 рублей деньгами.

Чистый доход от лесопилки в год составлял более 5000 рублей. Паровую машину в 30 лошадиных сил и циркулярную пилу обслуживали 20 рабочих.

Немалые доходы монастырь получал от просфорни. На просфоры и булки ежегодно расходовалось в среднем до 5500 пудов белой муки. Продажа просфор богомольцам приносила ежегодно более 45 000 рублей дохода.

Прибыльными являлись и монастырские гостиницы — Великороссийская на Никольской улице, Зеленая на Московской, Китаевская, Странноприимная, размещавшиеся в шести двухэтажных корпусах и двух небольших домах. Для богатых существовали отдельные благоустроенные номера. Гостиницы имели большую пропускную способность — до 200 тысяч человек в год².

В экономике монастыря определенное место занимал пивоваренный завод, «пожалованный» Лавре в 1787 году. Это небольшое предприятие находилось в двух верстах от Лавры на Зверинце. Завод обслуживался одним мастером и 10—12 рабочими. Его годовая производительность составляла от 6000 до 10000 ведер пива и около тысячи ведер квасу. Значительная часть продукции потреблялась монахами³.

Монастырь имел также мастерские: столярную, иконописную, шорную, кузницу, слесарную, экипажную и колесную.

---

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., лл. 67 и 71; бухг. 1, д. 2039, лл. 12, 37.

² См. там же, оп. 1, д. 2303.

³ См. там же, д. 522, л. 40; бухг. 1, д. 2039, лл. 14, 36.

Столяры не только обеспечивали внутренние потребности монастыря, но выделяли также до двухсот гробов на продажу.

В специальной мастерской, работавшей по разрешению Городской думы и под надзором пробирного чиновника, два мастера-послушника изготавливали и чинили церковную утварь из серебра.

Главной лаврской пристанью на Днепре в устье реки Лыбедь была Теличка, «высочайше пожалованная» монастырю в 1791 году Екатериной II. Здесь всегда царило оживление — выгружались и нагружались баржи, вереницей подходили крестьянские и монастырские подводы, груженные строительными материалами, дровами, фруктами и овощами, хлебом и другими товарами. Чтобы иметь стабильные доходы без излишних хлопот, Лавра отдавала пристань в аренду предприимчивым купцам.

В Лавре было немало торговых заведений, которые сбывали товары оптом и в розницу круглый год: книжные магазины, иконные и бакалейные лавки. Лаврские книги, например, продавались не только в Киеве, но и в лучших магазинах Одессы, Херсона, Ейска, Ставрополя, Москвы, Нижнего Новгорода, Петербурга и других городов России, а также за границей¹.

Монастырские богатства состояли не только из доходов от земельных владений, промышленных и торговых предприятий, но и обильных вкладов царей, подарков князей, чиновников, купечества, помещиков и других богатых людей, дававших монастырю деньги, даривших золотую и серебряную церковную утварь, усыпанную драгоценными камнями, драгоценные церковные облачения, серебро и золото на украшение иконостасов, икон, гробов, престолов и на изготовление подсвечников, многопудовых паникадил, лампад. Один только вклад графини Орловой-Чесменской в 1847 году составлял 285 715 рублей серебром.

Пользуясь темнотой и религиозностью богомольцев, сотнями тысяч стекавших в монастырь из разных уголков Российской империи, монахи выманивали у них последние копейки, заработанные тяжелым трудом. Из многочисленных кружек, расставленных в церквах и пещерах, в конце каждого дня монахи выгребали десятки пудов медной и мелкой серебряной монеты.

---

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., оп. 1, д. 2303, л. 62.

Богатства Лавры непрерывно росли. Об этом, в частности, свидетельствует постоянно увеличивавшийся ее капитал в банках. Если в 1850 году Лавра в банках имела 687 387 рублей 9 копеек, за которые получала ежегодно 28 227 рублей 50 копеек процентов, а в 1895 году в банках находилось 1 817 212 рублей 8 копеек, за которые она получала в год 84 068 рублей 82 копейки, то в 1913 году банковая сумма достигла почти 3 млн. рублей, которые давали Лавре в год свыше 120 000 рублей процентного капитала. Общий доход Лавры в 1913 году составлял 1 256 804 рубля.

Лаврские предприятия, сады, огороды, сенокосы и другие угодья требовали много рабочих рук. Кроме сезонных и постоянных рабочих, монастырь эксплуатировал также послушников. Сезонные работы — обработка огородов, уход за садами и рыбными озерами, уборка сена — выполнялись преимущественно крестьянской беднотой окрестных сел и деревень. В период полевых работ в лаврском хозяйстве количество наемных рабочих из крестьян достигало 300 человек.

К постоянной группе рабочих относились главным образом квалифицированные специалисты: каменщики, строители, маляры, столяры, кузнецы, печатники, пекари, мельники. Число таких рабочих колебалось в пределах 350—400 человек. Лаврские рабочие рекрутировались из крестьян, солдат и горожан.

Положение рабочих и условия их труда на монастырских предприятиях мало чем отличались от жизни рабочих на обычных капиталистических предприятиях. Рабочий день здесь длился 10 часов (с 7 часов утра до 6 часов вечера), а на некоторых предприятиях (паровая мельница, пивоваренный завод) — 12—15 часов. Обычно рабочие жили в монастырских «квартирах» и состояли на лаврских «харчах». Квартиры представляли собой неудобные, преимущественно деревянные бараки, в которых рабочие жили группами «по 7 человек на окно»¹.

«Харчи» для рабочих были малокалорийными, недоброкачественными. Об этом свидетельствует докладная записка лаврского келаря в Духовный собор от 1884 года, в которой говорится: «Ишено покупается с хозяйственным расчетом для братии, а для рабочих и в другие хозяйственные хуторные места нисшего достоинства, таким образом поступает и с прочими продуктами». За счет желудка рабочих админи-

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., оп. 3, д. 522, л. 71.

страция монастыря «экономила» для сытой жизни своей братии.

В типографии, столярной, слесарной и кровельной мастерских широко эксплуатировался детский труд. Это были мальчики. Их насчитывалось более ста человек. Ввиду тяжелых условий работы и обучения мальчики стремились скорее покинуть «святую обитель». Монахи часто жаловались, что «как только мальчик хотя немного обучится мастерству, старается всеми мерами выйти из Лавры, с тем чтобы поступить на жалованье к какому-либо городскому мастеру, а удержать таких в монастыре невозможно»¹.

Это не было случайностью и вытекало из общих условий труда рабочих на лаврских предприятиях. Сам начальник типографии в 1883 году объяснял такое явление тем, что «занятия в заведениях продолжаются от 7 часов утра до 6 часов вечера и не без вреда для здоровья», что «мастера при лаврской типографии служат за самое умеренное денежное вознаграждение»².

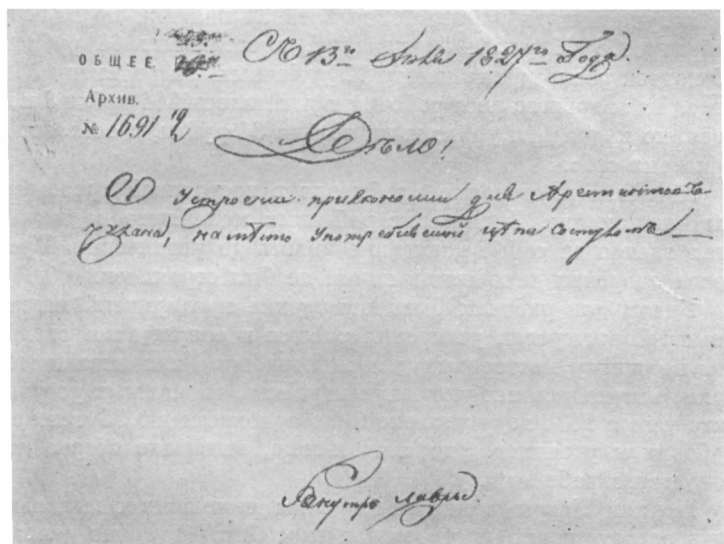
Охрана труда фактически отсутствовала, о чем свидетельствуют частые случаи травм и увечий. Обычно монахи объясняли эти случаи «неосторожностью» самих рабочих. Так, 14 января 1856 года в типографской кузнице загорелось льняное масло, варившееся для типографских чернил. Несколько рабочих получили ожоги, а один из них, Иван Никитенко, погиб. На запрос полиции, куда девалось имущество Никитенко, начальник типографии иеромонах Тимофей ответил, что как вещи рабочего, так и «причитающееся за два месяца ему жалованье употреблено на погребение покойника»³.

Для рабочих монастырских предприятий была установлена очень строгая дисциплина труда, основанная на больших штрафах и силе религиозного воздействия. Например, из табеля взысканий, утвержденного фабричным инспектором 9 февраля 1898 года, видно, что на рабочих типографии за малейшие нарушения налагались большие по тому времени штрафы. За курение взыскивали от 25 копеек до рубля; за нарушение тишины и за непослушание — от 50 копеек до рубля; за несоблюдение чистоты — от 20 до 50 копеек;

¹ ЦГИА УССР. Дела канцелярии Дух. собора Киево-Печерской Лавры, д. 495, л. 22.

² ЦГИА УССР. Дела канцелярии Дух. собора Киево-Печерской Лавры, д. 495, л. 34.

³ ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 1, д. 2269, лл. 9, 14, 16, 18.

Обложка архивного дела от 1827 года о сооружении в экономическом корпусе арестантского чулана вместо стула и цепи, какими пользовались раньше для наказания заключенных.

за опоздание — от 20 до 40 копеек; за прогул — половину дневного заработка; за «неисправную работу» — 2 рубля. О размерах этих штрафов можно получить более наглядное представление, если сравнить их с дневной заработной платой рабочих Лавры. Так, в среднем заработок взрослого рабочего за 10-часовой рабочий день в Лавре составлял от 29 копеек до 2 рублей 24 копеек; подростка 15—17 лет — от 19 до 24 копеек; малолетнего 12—15 лет — от 13 до 19 копеек¹.

Как видно, на оплату штрафа иногда уходил весь дневной заработок рабочего. Лишь мизерная часть высококвалифицированных специалистов, которыми монахи весьма дорожили, подкармливалась за счет больших доходов монастыря.

Жестокими условиями работы, установленными администрацией Лавры в своих интересах, умело пользовались подрядчики, которым сдавались в аренду отдельные монастырские предприятия. Например, в январе 1900 года на пилораме было распилено 843 колоды по 17 копеек за каждую.

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., оп. 1, д. 2269, лл. 137—138.

Из полученных за работу 143 рублей 31 копейки подрядчик забрал себе 74 рубля 51 копейку, а остальные 68 рублей 80 копеек распределил между 72 рабочими. За распилку 570 колод из лаврского леса рабочим причиталось 144 рубля 8 копеек, но подрядчик уплатил им только 84 рубля, а остальные присвоил себе.

Лаврские мастеровые пребывали в постоянной тревоге о завтрашнем дне. Проявление рабочими малейшего недовольства влекло за собой наказание вплоть до увольнения. Произвол лаврских чиновников ничем не был ограничен.

Бичом для рабочих было оснащение предприятий машинами. «В интересах ускорения работы и сокращения расходов по найму мастеровых для типографии», как писали монахи, закупались неоднократно новейшие машины, в результате чего в 1876 году уволено было одновременно 58 человек рабочих и учеников. Это, естественно, вызывало острое недовольство рабочих¹.

Монахи Лавры помогали царским чиновникам вылавливать революционно настроенных лиц. Они регулярно давали секретные сведения о рабочих своих предприятий в Печерский полицейский участок. Эти меры были вызваны тем, что еще в 1862 году в лаврской типографии, где работали отдельные революционно настроенные интеллигенты, жандармерия обнаружила революционные воззвания к полякам и крестьянам Российской империи.

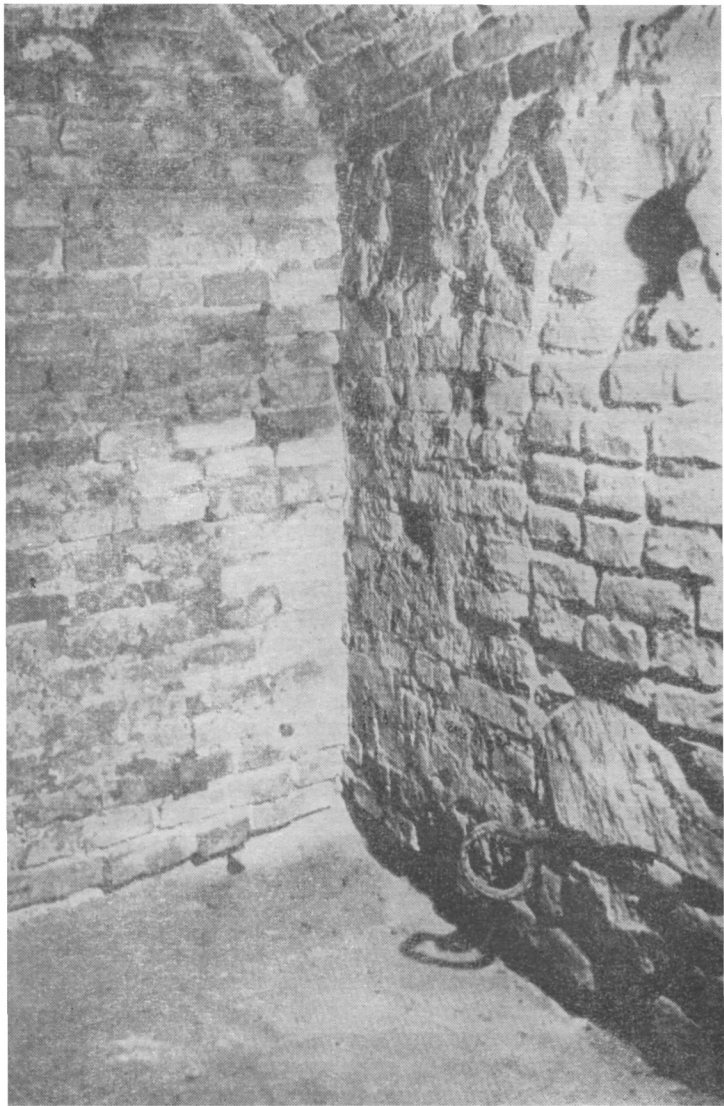
В связи с этим монастырь завел целое дело. За рабочими типографии стал следить даже наместник Лавры. Был строго пересмотрен весь состав типографских рабочих, устранены от работы «иноверцы». Строгий надзор и слежка распространялись не только на рабочих и богомольцев, но даже на монахов и послушников. Посторонним лицам строго запрещалось заходить в монастырские помещения. Духовный собор Лавры периодически сообщал в жандармское управление о «политической неблагонадежности» подведомственных Лавре лиц.

Фабрично-заводское законодательство царской России стало применяться на лаврских предприятиях только во второй половине XIX столетия.

2 июня 1897 года царское правительство, испугавшись размаха стачечной борьбы в стране, вынуждено было издать

---

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., тип. 1, д. 585, л. 45, д. 892.

**Так называемый каменный мешок в лаврских пещерах,
в котором на цепях содержались заключенные.**

закон о нормировании продолжительности и распределении рабочего времени на заводах и фабриках империи. Этот закон распространялся также и на лаврские предприятия.

Специальные средства для оплаты «больничных» дней выделялись редко, и то лишь по разрешению Духовного собора. Те, кто частично или полностью потерял трудоспособность на монастырских предприятиях из-за увечий, травм и других несчастных случаев, с большим трудом, и то в крайне редких случаях, добивались незначительного единовременного пособия. Большею частью Лавра отказывала в помощи нуждающимся. Показательна в этом отношении резолюция Духовного собора на прошении рабочего переплетчика Щелковского, уволенного из лаврской типографии по старости. В мае 1905 года он просил «ввиду крайней бедности для пропитания» давать ему мелкую работу от Лавры. Резолюция Духовного собора гласила: «Оставить настоящее прошение без последствий»¹.

Располагая значительными доходами, с целью своего прославления и усиления религиозного воздействия на верующих, Лавра часто выступала с различными благотворительными «деяниями»: отпускала деньги для Красного Креста, на содержание бедных учеников духовной семинарии, устраивала обеды для бедных и нищих паломников. В сущности это была даже не благотворительность, а грошовая подачка для успокоения нечистой совести лаврских монахов, заинтересованных в широкой рекламе своих «добрых деяний» среди многочисленных паломников. Но когда 15 мая 1905 года крестьяне села Тесколуниного Подольской губернии Леонтий Ткачук и Яков Молдаван просили Лавру занять под вексель 500 рублей «для раздачи народу того села, голодающего по случаю неурожая», начальство Лавры постановило: «Настоящее прошение оставить без последствий»².

Истинная цена лаврской «благотворительности» становится очевидной, если сопоставить ее богатства, роскошную и сытую жизнь монахов с нищенским положением монастырских рабочих и их каторжным трудом, вспомнить ту ненависть и злобу, с которыми выступала Лавра против рабочих и крестьян, боровшихся за политические свободы и улучшение своего материального положения.

Сохранилось немало жалоб рабочих на администрацию

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, канц. Дух. собора, оп. 1, д. 638, ч. 1, л. 279.

² Там же, лл. 278—279.

Лавры. Одну из таких жалоб за 1908 год мы приводим полностью, ибо она рисует яркую картину жизни рабочих лаврских мастерских, их взаимоотношения с монахами.

«Его благородию губернскому фабричному инспектору господину Д е й ч у. Рабочие Киево-Печерской Лавры столярной мастерской Александр Семенов, Савва Семендяев.

П Р О Ш Е Н И Е

Честь имеем просить Ваше благородие обратить внимание на наши условия жизни и неурегулированные отношения между нами и монастырской администрацией.

Условия нашей жизни плачевные: квартиру имеем общую для всех столяров, которых в настоящее время тридцать два (32) человека. Живем в страшной тесноте, квартира имеет в длину 32 арш. 13 вершков, ширина — 9 арш., высота — 4 арш.

Так что на человека приходится $1\frac{1}{3}$ куб. саж. воздуха, что совсем не соответствует гигиене. Пол моется приставленными для этого монастырем служащими два раза в год — к рождеству и пасхе. Из-за нечистоты и тесноты мы часто бодем, а когда бодем, то с нас высчитывают, как за прогул. Пищу нам дают постную: за обедом борщ с капустой и картошкой и каша, бывают галушки; ужин — кулеш с крупой, за завтраком — кулеш с крупой. При такой пище приходится влачить полуголодное существование.

При этом повар относится к нам, не как к рабочим, кушающим заработанный хлеб, а как к людям, которых они кормят из благотворительности.

Заработная плата самая ничтожная: в месяц — минимум 4 рубля, максимум — 10 рублей при вышеописанной квартире и столе. При этом из этого ничтожного жалования высчитывают штрафы, которые по своей наглости и несправедливости выходят из границ, соблюдаемых жадными капиталистами, что видно из следующих примеров: один человек проболел 5 дней, высчитано как за прогул за 10 дней. Другой удалился в город по своим надобностям, где пробыл 12 дней, вычет за это сделан следующий: получал в месяц 8 рублей, так как прогулял 12 дней, то получает только 1 рубль 80 копеек, а 6 рублей 20 копеек за прогул 12 дней.

За то, что рабочие покупали в постный день скоромного, оштрафованы по рублю, то есть на 30 рублей. За то, что рабочий не принес заведующему столярной обед — оштрафован на 1 рубль. Описывать все несправедливости считаем излишним. Думаем, что и приведенных фактов достаточно для выяснения нашего положения.

Бывает так, что перед большими праздниками не имеем возможности получить заработанных денег, что видно из следующего факта:

перед масляной неделей рабочие пошли в экономическую контору просить выдать им заработанные деньги. Заведующий конторой их прогнал, не выдав денег.

После этого заведующий экономической конторой призывает двух столяров из числа прогнанных и говорит: «Я вам дам деньги, только не говорите об этом остальным, а за деньгами придите завтра в 9 часов утра».

Но рабочие оказались почестнее монаха и не пошли за деньгами, не желая продать товарищей. Теперь нам заявили, что к пасхе нам не будут выдавать денег, которые заработаны после первого и что мы должны ждать следующего первого. И это делается как будто для того, чтобы мы не пьянствовали, но между тем не тайна, что заботящиеся о нашей трезвости, как, например, заведующий столярной мастерской, выпивают четверть ведра в неделю, так что их аргументация о нашей трезвости ни на чем не основана.

Слова монахов, что отношения между нами и монастырем основаны на христианской нравственности и уважении к святым преподобным, ни на чем не основаны. Мы живем потому, что некуда деться. Голод не тетка, заставляет мириться. Находиться под защитой святых преподобных мы не желаем, а желаем стать под защиту фабричной инспекции, о чем и просим, ваше благородие, сделать все от вас зависящее.

Рабочие Александр Семенов, Савва Семендяев¹.

Фабричный инспектор доложил о жалобе рабочих губернатору, последний сообщил об этом архимандриту. Начальство Лавры постановило выгнать всех столяров с работы, если они не откажутся от своей жалобы.

Приведенный документ еще раз разоблачает лицемерие лаврских монахов, проповедующих так называемую христи-

---

¹ ЦГИА УССР, ф. 574, д. 1177, л. 32—33.

анскую любовь и презрение к земным благам. Действительное лицо Лавры — лицо хищника и угнетателя трудящихся. Когда монахам говорили об этом, они приходили в бешенство. В этой связи интересно письмо, присланное настоятелю Лавры митрополиту Флавиану в июле 1905 года. Некая женщина, скрывшая свою фамилию под псевдонимом «Москвичка», писала: «К чему вам, отказавшимся от мира, такие колоссальные мертволежащие капиталы?.. Монастыри должны отдать все те миллионы, собранные с народа эксплуатацией его религиозных чувств, на настоятельные нужды народа, несчастного и обездоленного...»

Митрополит написал ругательную резолюцию, обозвав автора письма «невеждой», «подстрекательницей», «подлой», «скверной», «блудницей»¹. Не нравилось «святым» отцам, когда им говорили правду.

---

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, д. бухг. 1, д. 2903, л. 223.

СТЕПАНОВ П. Я.,
кандидат исторических наук, заве-
дующий отделом истории религии
и атеизма Киево-Печерского госу-
дарственного историко-культурного
заповедника

БОРЬБА КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Сотни тысяч верующих, ежедневно приходивших в Лавру, не подозревали, что пышная церковная служба в монастырских церквях, многочисленные религиозные проповеди и ритуалы совершались отнюдь не во имя спасения «грешных» душ верующих, а во имя сохранения существующего эксплуататорского строя.

Лавра, как духовное орудие в руках господствующих классов, всегда была органически связана с этими классами, с самодержавием, которому она верно служила на протяжении веков. «Мы... очень хорошо знаем, — писал В. И. Ленин, — что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы»¹. Эта ленинская характеристика в первую очередь относится к таким церковным центрам, как Лавра.

Использование религии в целях защиты крепостничества особенно характерно для Лавры XVI — XVIII столетий, когда в России и на Украине возникали и нарастали антифеодальные движения крестьян, казаков, горожан. Главной движущей силой этого процесса были крестьяне. Правда, в то время они еще надеялись на лучшую жизнь с помощью «хорошего царя-батюшки». На исход борьбы крестьянских масс очень влияла церковь, которая вносила в их ряды неуверенность, устрашала непокорных «божьим наказанием», обещала «блаженную» загробную жизнь покорным и терпеливым. Духовенство своими призывами — «терпением вашим спасете души ваши» — сковывало волю трудящихся к борьбе.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 266.

Реакционная роль церкви ярко проявилась уже в период крестьянско-казацких восстаний в конце XVI и в XVII — XIX столетиях.

Архивы Лавры свидетельствуют о том, что в годы крестьянских выступлений монахи в своих бесчисленных проповедях осуждали и проклинали восставших, отлучали их от церкви, угрожали божьим наказанием тем, кто посмеет в какой-либо форме поддержать восстание. Во все концы они рассылали «поучительные листки», специальные молитвы, снимали копии с гетманских универсалов, царских манифестов, помогали властям вылавливать непокорных. Лавра рассылала в свои вотчины, приписные монастыри и другие подведомственные ей места снятые с царского манифеста копии о розыске Пугачева ¹.

Монастырь решительно выступал против передовых идей русского общества, осуждавших самодержавие. Как и вся русская православная церковь, Лавра осудила восстание декабристов 14 декабря 1825 года и предала анафеме его участников. Николай I, жестоко расправившийся с декабристами, был объявлен истинным поборником христианства. По случаю коронации Николая I и казни декабристов церковь установила даже специальные молитвы. В день коронации Лавра преподнесла царю евангелие и две иконы стоимостью в 1771 рубль 15 копеек. На коронации Николая I в Москве присутствовал наместник Лавры ².

Монастырь активно поддерживал политику Николая I, и в частности жестокое подавление польского национально-освободительного движения в 1831 году. По случаю начала военных действий против восставших и после подавления восстания в Лавре были отслужены молебны. Монахи предоставили правительству ряд помещений, в которых более 8 лет находились в заточении свыше 1000 польских повстанцев ³.

Активную деятельность монастырь развернул накануне и в период проведения аграрной реформы 1861 года. Во многих местах крестьяне не признавали грабительской правительственной реформы, восставали против царских чиновников и помещиков. Царизм обратился за помощью к церкви. Лаврские монахи были разосланы в сельские уезды, где они читали и разъясняли царский манифест, «успокаивали»

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 1, д. 465, лл. 5—26.

² Там же, оп. 1, д. 1675, л. 15—26.

³ См. М. З. Петренко, Правда про печери і мощі Київської лаври, К., 1958, с. 17.

крестьян, собирали сведения об их настроениях. В рапорте киевского уездного протоиерея Дмитрия Евчукова архимандриту Лавры сообщалось, что ему удалось уговорить крестьян деревни Дервмантова повиноваться, «все они успокоились и начали работать по-прежнему».

Особая роль придавалась в 1861 году религиозной литературе. В своей типографии Лавра издавала массу религиозных листовок, которые распространялись в народе. Именем бога монахи грозили восставшим, призывали их к покорности и смирению перед властями.

Широко использовалась церковная проповедь, а также исповедь. Известно, что устав церковного управления или «духовный регламент», введенный в 1721 году и действовавший до Октябрьской революции, обязывал церковь и ее служителей доносить властям, если кто на исповеди сообщит «измену или бунт на государя или на государство, или злое умышление на честь или здравие государево и на фамилию его царского величества»¹.

Духовенство следило за революционно настроенными крестьянами и рабочими, собирая нужные для полиции сведения об их политической неблагонадежности. В тех же целях использовался обряд «покаяния» над больными и умирающими. Тесно связанная с полицейским управлением, Лавра ревностно выполняла его поручения. В монастыре была установлена слежка за политическими ссыльными. Так, по указанию полиции монахи следили за появлением в обители иркутского мещанина Парфена Дмитриева — политического ссыльного из бывших помещичьих крестьян Нижегородской губернии, выступавшего против установленного порядка².

Не ограничиваясь этим, Лавра предоставляла полицейским командам свои помещения. В 1819 году, например, в помещениях лаврского подворья находилась жандармская воинская команда³.

Реакционная роль Киево-Печерской Лавры как идеологического защитника царского самодержавия, помещиков и капиталистов особенно ярко проявилась в конце XIX и начале XX века, когда на арену общественной жизни страны вышел пролетариат. В пролетариате, в распространении марксизма в России и на Украине Лавра увидела серьезную опасность для существования самодержавия, для своего влияния на

¹ *Ем. Ярославский*, О религии, М., 1957, стр. 597.

² См. ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 1, д. 2446, л. 1.

³ См. там же, д. 140, оп. 2, л. 30.

трудящихся. Поэтому она усилила пропагандистско-религиозную деятельность, обратив особое внимание на распространение среди народа религиозных книг, на проповедь догм о царе как помазаннике божием, о незыблемости царской власти.

Когда в стране начались забастовки, политические демонстрации, активизировались крестьянские выступления, Киево-Печерский монастырь, например, согласно специальному решению Духовного собора от 12 августа 1903 года еженедельно стал издавать 20 тысяч экземпляров поучительных листков и различных брошюр для народа. В них осуждались передовые идеи, защищалась неприкосновенность частной собственности, а те, кто покушался на нее, объявлялись грабителями, их пугали судом на земле и адом на том свете. Лавра призывала рабочих и крестьян не участвовать в стачках, забастовках, демонстрациях, не слушать революционеров, чаще посещать храмы, молиться богу, поклоняться пещерским мощам, укреплять веру Христову¹.

Почти весь тираж этой литературы монахи раздавали богомольцам бесплатно.

Духовенство монастыря сразу же взяло под защиту русско-японскую войну (1904—1905 г.), развязанную царизмом для отвлечения народных масс от революции, с целью укрепления своего политического положения. В листовках и брошюрах верующих убеждали в том, что войны неизбежны, а война с Японией есть наказание божье за то, что народ стал меньше чтить бога, царя, а больше прислушиваться к голосу «лжеучителей». Монахи утверждали, что-де сам Иисус Христос стоял за войну, что война «очищает нравственность, как огонь очищает металл», что «очистительная» сила войны особенно полезна в революционный период².

И немало ослепленных религиозным дурманом людей, которых держали в нищете, бесправии и невежестве, покорно шли на бессмысленную бойню, не понимая пагубной роли подобной проповеди.

Лавра не брезговала и давно опозоренным оружием шовинизма, национализма и расовой ненависти. В листовке за ноябрь 1904 года говорилось, что белые люди произошли от благочестивых Сима и Яфета, а от грубого Хама — чернокожие негры и желтокожие племена, в том числе и японцы,

¹ Листки 67, 195.

² Листки 157, 38. (См. журн. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 153).

№ 592

Сод. 1744 г. 27

Святая Великая Княгиня Анна в
Духовной Собор,
из Новгородского епархиального училищного Совета,
преставил

Дружески известил лавру о 20. июля
1744 г. под № 118. Оставил, а со стороны
амтман Ея Императорского Величества
мануфактурного завода, в Олонецком
уезде, в деревне, в имении, в доме
владельца, в имении, в имении, в имении
Святого Михаила, для Олонецкого
№ 20. Едва там же, в Олонецком
преставил, в Олонецком № 23. Оди 1744 г.
Новгородского епархиального училищного Совета
Иванов Иван

Рапорт игумена приписного Сенявского монастыря о получении из Лавры копии царского манифеста о восстании Емельяна Пугачева.

которые не веруют в истинного бога. «Вот против какого народа идут сражаться добрые люди, ваши присные, на Дальний Восток»¹, — заявляли монахи.

12 июля 1904 года Духовный собор Лавры принял специальное решение, которым предусматривалось совершать торжественные богослужения во имя оправдания войны². В проповедях и богослужениях монахи призывали рабочих и крестьян идти умирать за интересы помещиков и капиталистов. Ослушников они запугивали страшным судом. В целях распространения своего влияния среди русских солдат Лавра выслала на фронт 20 тысяч брошюр и листовок, тысячи металлических крестиков, икон.

Вести грабительскую войну Лавра помогала царизму также и материально. На войну она пожертвовала только деньгами 66 358 рублей 51 копейку. Было специально ассигновано «на строительство морского флота» 30 тысяч рублей³. Церкви и монастыри России собирали тогда на нужды войны всего 3 866 720 рублей 14 копеек.

Глубокое недовольство и возмущение народных масс, вызванное поражениями России в войне с Японией, встревожило духовенство. Церковь стала вынашивать новые планы борьбы против революционного движения. Осуществлением такого плана и была провокационная деятельность в январе 1905 года попа Гапона, который уговорил безоружных рабочих Петрограда идти к царю. Среди этих рабочих большинство было верующих. Они шли к царю с его портретами, церковными хоругвями, иконами, молитвами, чтобы заявить «помазаннику божьему» о своем безвыходном положении, нищете и бесправии. Рабочие были расстреляны 9 января 1905 года на Дворцовой площади Петербурга. «Кровавое воскресенье» глубоко возмутило трудящихся. Рабочие поняли, что с царем, его правительством, помещиками и капиталистами нужно бороться только оружием.

Церковь и духовенство изо всех сил стремились оправдать действия царского самодержавия. Лаврские монахи в листовке «Крамола», выпущенной по случаю январских событий, виновниками кровавой расправы называли мирных демонстрантов. В опубликованном духовенством после Кровавого

¹ Листок 65. См. М. З. Петренко и В. А. Шиденко. Реакционная роль Киево-Печерской Лавры в период первой русской революции (лекция), К., 1955, стр. 5.

² См. ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 1, д. 632, л. 46.

³ См. Г. И. Денисов, Лавра и царские войны, К., 1930, стр. 5.

воскресенья воззвании рабочих обвиняли в том, что их будто бы подкупили японским золотом¹.

После январских событий в стране быстро нарастала революция, усиливалось влияние революционной социал-демократии. Это встревожило правящие круги царской России. Наряду с военной силой, свирепыми карательными мерами в ход была пущена вся сила идеологического воздействия на массы, ведущую роль в котором играло духовенство.

Лаврское духовенство действовало по прямым инструкциям синода, губернских властей и жандармерии. Не единственным было секретное письмо от 23 февраля 1905 года за № 2328; в нем генерал-губернатор Киевский, Подольский и Волынский предлагал настоятелю Лавры митрополиту Флавиану распорядиться, «чтобы епархиальное духовенство в своих беседах с пасомыми не проходило мимо случая предостеречь их от увлечения искушениями неблагонадежных подстрекателей, которые сеют вражду между разными классами населения, последствия которых пагубны для обеих сторон»². Эти «миротворческие» строки не могут скрыть истинного их содержания, стремление мобилизовать все и всех на удушение народной революции.

Во всех больших городах по указанию властей были проведены специальные собрания церковников, на которых разрабатывались меры по борьбе с революционным движением. В Киеве такое собрание состоялось 15 февраля 1905 года. На протоколе этого собрания настоятель Киево-Печерской Лавры митрополит Киевский и Галицкий Флавиан написал резолюцию: «Духовенству в настоящее время молчать не только нельзя, но и преступно... Убедительно прошу пастырей и словом, и делом воздействовать на жизнь пасомых, охранять ее от смуты... Попечительность духовенства о пасомых воздаст между ними взаимное крепкое нравственное единение, о которое разобьется всякая смута. Все средства свои, все силы духовные и моральные пастыри должны направить к этой цели... призываю духовенство на этот труд и благословляю его на этот пастырский подвиг»³.

По распоряжению митрополита Лавра усилила издательскую деятельность, в результате чего появляются такие листовки, как «Страшный суд», «Крамола», «Бога бойтесь, царя

¹ Ем. Ярославский, О религии, М., 1957, стр. 149.

² См. газ. «Безбожник» № 7, 15 августа 1937 г., стр. 2.

³ «Церковные ведомости». Прибавления 1905 г., № 16—17, стр. 702.

чтите», «Священная законность власти», «О забастовках» и др. В них на все лады расхваливается царское правительство, а народ призывается к смирению и повиновению. Широко пропагандируются такие места из евангелия и библии, где говорится о повиновении властям, о праве начальников «употреблять меч». Изречением апостола Петра «Бога бойтесь, царя чтите» внушалась необходимость почитания царя и рабского повиновения чиновникам, помещикам, капиталистам. Монахи призывали верующих не слушать революционеров и выдавать их «законным властям»¹.

В листовке «Священная законность власти» утверждалось, что нет власти «аще не от бога» и что укрепление в себе силы повиновения устранил всякий повод к вражде, злобе и всяким непорядкам. «Воля божья требует подчинения царю...— гласила листовка,— почитание царя есть не одна только гражданская обязанность, но вместе с тем обязанность веры». Духовенство Лавры коробило то, что «трудовой русский народ массами пошел на забастовки». И поэтому оно клеветало на трудящихся, истолковывая их бедность и нищету как следствия «лености, беспечности и других пороков»².

Лавра резко осуждала забастовки, как противозаконное и «неугодное богу» дело. Киевский митрополит архимандрит Печерского монастыря Флавиан в статье «Слово священника к рабочим и хозяевам о забастовках» советовал «братьям»-рабочим идти на уступки своим хозяевам, помнить, что «жизнь человека не зависит от изобилия имения...». Рабочим предлагалось не отказываться от непосильной работы на эксплуататоров и не отворачиваться от Христа, а быть верными ему; лишь тогда, дескать, рабочие найдут в себе силы «перенести свою тяжелую долю». «В поте лица приобретенный хлеб свой —это удел всех людей и неужели ты, христианин, хочешь сбросить с себя эту ношу господню...» — писал митрополит. Изнывающим в труде и бедности он советовал уповать на бога. «Он, отец наш небесный, даст блага просящим у него»³.

Флавиан предписывал священникам киевской епархии усилить проповедь главных догм православной веры, а также собирать сведения политического характера среди верующих,

¹ См. журн. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 134.

² М. З. Петренко и В. А. Шиденко, Реакционная роль Киево-Печерской Лавры в период первой русской революции (лекция), К., 1955, стр. 9.

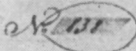
³ «Киевские епархиальные ведомости» № 29, 17 июня 1905 г., стр. 722.

В. П. И.

**ДУХОВНЫЙ СОБОРЪ
КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ УСПЕНСКОЙ
ЛАВРЫ.**

Стефанъ

11 Января 21 дня 1905 года.

КИЕВЪ.

Въ Киевское Губернское Казначейство.

Духовный Соборъ Лавры, препровождаю при семъ триста /300/ рублей для зачисления въ депозитъ Киевской Городской Полиции на содержание состоящаго при Лаврѣ особаго постоянного агента сыскной полиции съ 1го Января с. г. по 1го Января 1906 года, имѣть честь просить Киевское Губернское Казначейство въ принятіи означенныхъ денегъ выдать Собору квитанцію.

Членъ Собора

**Письмо Лавры в Киевское губернское казначейство
о переводе денег на содержание агента
сыскной полиции.**

умело используя для этого «дни великого поста и других постов, когда люди говеют, готовятся к принятию святых таинств, бывают настроены благоговейно, когда сердца их и души бывают широко открыты»¹. В годы буржуазно-демократической революции лаврские монахи играли активную роль в лагере ее врагов. Они распространяли царские указы и манифесты, проповедовали с церковных амвонов послушание «властям», вели бешеную травлю всего передового, прогрессивного. В дни октябрьской всероссийской политической стачки 1905 года Лавра обратилась со специальной листовкой к народу «Не внимайте словам мятежным». Она сетовала на забастовку в Киеве, сравнивая ее с опустошительным ураганом, который пронесся над мирным городом². Монахи клеветали на пропагандистов и агитаторов, призывая население не слушать их «слова мятежные», убежать от революционной пропаганды, повиноваться властям.

После принятия Синодом 28 октября 1905 года решения о чтении во всех православных церквях России особой молитвы против революции Духовный собор Лавры предписал начальникам монастырских церквей следить за проведением этого решения в жизнь.

По поводу манифеста 17 октября, в котором перепуганный революцией царь, желая ослабить и расколоть движение масс, лицемерно обещал народу гражданские свободы и созыв законодательной думы, были проведены торжественные богослужения. Духовенство Лавры называло манифест «великим царским даром» и призывало верующих отказаться от участия в митингах, забастовках, манифестациях³. В посвященной манифесту листовке «Великий царский дар русскому народу» монахи предостерегали верующих, чтобы царский дар не попал в «небрежные, недобросовестные руки», и рекомендовали избирать в обещанную царем Думу верных царю людей, «благочестивых». Эта листовка и была началом той предвыборной думской кампании, которую открыл Киево-Печерский монастырь в союзе с Почаевской лаврой.

Предвыборная кампания в среде православного духовенства Украины возглавлялась митрополитом Флавианом, ярым черносотенцем⁴.

---

¹ «Киевские епархиальные ведомости» № 36, 4 сентября 1905 г., стр. 903.

² См. журн. «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 133.

³ См. там же.

⁴ Газ. «Безбожник», 1938, № 22, стр. 3.

Программа избирательной кампании, которую развернула церковь, излагалась в листовке «Благожелательный совет православным выборщикам, уполномоченным в Государственную думу», напечатанной в лаврской типографии в количестве 10 тысяч экземпляров. Верующих предостерегали от «опасности» избрать «неблагонадежных» и «инородцев». В ходе предвыборной кампании монахи распространяли тысячи контрреволюционных и богословских листовок, организовывали крестные ходы, манифестации, выступали с многочисленными проповедями. Только с августа по 28 декабря 1905 года Лавра издала 96 тысяч различных листовок, в том числе 46 тысяч для раздачи народу бесплатно¹.

Лавра осудила декабрьское вооруженное восстание 1905 года в Москве, одобрила действия Московского духовенства, которое разрешило установить пулеметы на колокольнях церквей для расстрела восставших.

С целью подрыва революции и ослабления влияния большевиков церковная пресса охотно печатала различные клеветнические правительственные сообщения. Было, например, напечатано сообщение о том, будто бы Япония предоставила русским революционерам 18 миллионов рублей. К печатанию подобной клеветы была причастна Лавра, которая вместе с Почаевской лаврой являлась центром монархистско-черносотенской пропаганды. Сам настоятель Лавры митрополит Флавиан был почетным членом «Союза русского народа»², наместник Лавры архимандрит Амвросий в 1908 году был одним из активных учредителей черносотенного «Союза Михаила Архангела». Огромными тиражами в Лавре издавалась контрреволюционная монархическая литература.

Лаврские монахи весьма гордились своей ролью активных защитников интересов самодержавия и господствующих классов. «Когда несчастливый исход войны (России с Японией.— П. С.) вызвал в народе повсюду волнение и смуту, духовенство бодро выступило со своей исторической миссией и живым пастырским словом неустанно укрепляло в своих пасо-

---

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 1, од. 637, лл. 1347, 1348.

² Погромная монархистская партия, организованная царскими чиновниками, полицией и помещиками для борьбы с революцией. Знамена черносотенцев помещались в церквях наряду с иконами. Членами «Союза русского народа» стало подавляющее большинство епископов, архиереев и митрополитов русской церкви. Церковные руководители обязывали и рядовое духовенство вступать в эту банду убийц и регулярно посещать ее собрания.

мых нравственные понятия, согласные с христианской религией»¹, — говорится в отчете митрополита Флавиана правительствующему Синоду о состоянии Киевской епархии за 1905 год.

Партия большевиков во главе с В. И. Лениным неустанно разоблачала эту «историческую миссию» духовенства в революции как антинародную, вскрывала вред религиозной идеологии, затемнявшей сознание революционных масс. В своей статье «Социализм и религия» (декабрь 1905 года) В. И. Ленин особенно ярко вскрыл классовую эксплуататорскую сущность и социально-экономические корни религии как духовного оплота и верной защиты господствующих классов. В капиталистическом обществе религия порождается главным образом экономическим гнетом, кажущимся бессилием трудящихся в борьбе за свое освобождение. «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду»², — писал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что «угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях... палача и попа... Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»³.

Вся деятельность церкви, и в частности Печерского монастыря, в период революции убедительно подтвердила данную В. И. Лениным оценку религии. В ходе революционной борьбы трудящиеся на собственном опыте наглядно убедились в тесном союзе церкви и духовенства с царским самодержавием, помещиками и капиталистами. Росло недовольство масс церковнослужителями, недоверие к религии. Среди народа росли атеистические настроения. Этому способствовало проводившееся социал-демократической партией и особенно большевиками разоблачение союза церкви с самодержавием, помещиками и капиталистами и вреда религиозной идеологии.

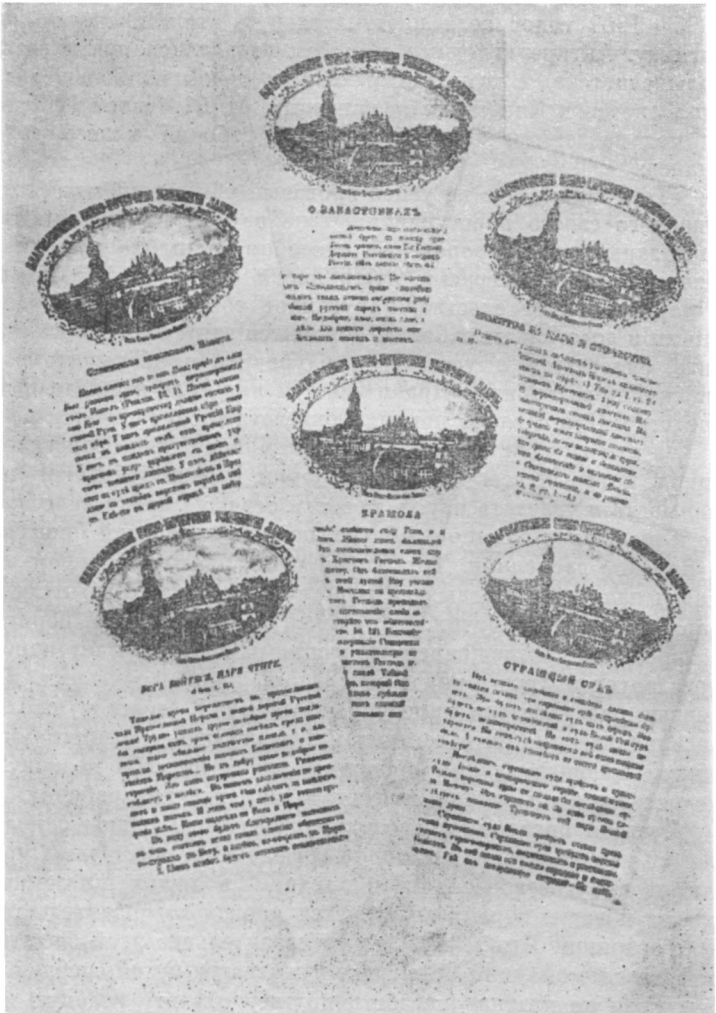
---

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, (ЦГИАЛ), ф. 796, оп. 442, д. 2092, л. 9.

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 206.

Образцы контрреволюционных листовок, которые издавались Лаврой накануне и в период революции 1905-1907 гг.

Большевистские организации уже в период революции 1905—1907 годов вели наступательную атеистическую пропаганду. Антирелигиозные листовки издавались почти всеми большевистскими комитетами. Так, в одной из большевистских листовок Киевской организации от 21 января 1905 года под названием «Святой синод и рабочий класс» говорилось:

«Товарищи! Еще не успел кровавый убийца скрыть следы ужасного своего преступления. Еще не успели наемные палачи зарыть ночью воровским способом трупы 2000 рабочих, еще краснеют замерзшие лужи крови на улицах столицы... а царское правительство, напуганное собственными злодеяниями и восстанием рабочих, торопится запугать и умиловать, оклеветать и успокоить, одурачить и оболгать российский пролетариат... Правительство прибегло к последнему средству. Оно сделало попытку оклеветать рабочий класс.

За это гнусное дело взялся святейший синод. Тот самый синод, который всегда помогал царям и эксплуататорам обманывать и угнетать народ, крестом освящал крепостное право и нынешнее наемное рабство, покрывал царский произвол и царские злодеяния. Тот самый синод, который миром помазал палачей народных на царство и составляет молитву за царя — убийцу рабочих. Тот самый синод, который борется с народным просвещением, суевериями одурманивает народ, преследует и душит иначе мыслящих, иначе верующих. Духовные развратители народа, закрывающие светские школы, насильничающие над сектантами, торгующие «святынями», обкрадывающие своими поборами, взяли на себя позорную, недоступную им задачу оклеветать нас, русских рабочих.

В своем послании ко всем правительствам синод осмеливается утверждать, что сотни тысяч рабочих, составивших против своих угнетателей, были орудием в руках иноземных врагов и ведут борьбу на средства японского правительства.

Товарищи! Что может быть омерзительнее этой бесстыдной, заведомой лжи? Ведь даже у министра путей сообщения Хилькова не хватило наглости подтвердить эту нелепую чудовищную неправду.

Нет, не наемники японского царя — холод и голод, гнет и издевательство капиталистов, произвол и насилие самодержавной власти — вот что толкает нас на борьбу, вот кто наши подстрекатели. Вот почему и до войны мы боролись за свободу и лучшую жизнь. И не па деньги чужеземного царя

мы вели и ведем свою великую борьбу. Нет, это ложь и заведомая ложь! Мы боремся не ради медных денег, оставшихся у нас после того, как обкрадут нас хозяева, ограбят царские слуги, выманят архиереи и попы.

Но если бы даже нам помогли заграничные рабочие? — это было бы только доказательством того, что рабочие всех стран — братья, а не враги друг другу, что у рабочих всех стран интересы одни и те же, что они ведут одну и ту же борьбу с капиталистами всего мира, с правительствами всех стран. Рабочий класс России с презрением и негодованием отшвырнет от себя золото японского царя, но с братской благодарностью примет помощь от своих заграничных товарищей, таких же рабочих, как и мы, так же, как и мы, стонущих под гнетом капиталистов и правительств, так же, как и мы, борющихся за лучшую долю и свободу. Не мы, а московские купцы подписывались на японские займы, не мы, а царское правительство занимало у немецких, английских и французских банкиров деньги для ведения ужасной войны на Дальнем Востоке и преступной войны с нами, рабочими, дома.

Святейший синод говорит еще, что рабочие своей борьбой мешают довести до конца навязанную войну, которую многие гордо и самонадеянно думали скоро и победоносно кончить. Но кто же навязал России преступную войну, как не царское правительство? Кто освятил ее, как не святейший синод? И разве не они же гордо и самонадеянно кричали «шапками закидаем». Да, мы, рабочие, мешали и помешаем довести войну до конца, потому что этот конец — всероссийское разорение и гибель сотен тысяч молодых жизней. Да, мы хотим, мы требуем и добьемся прекращения войны, как добьемся свержения царского самодержавия — виновника преступной войны!

В заключение синод лицемерно умоляет «чад церкви» повиноваться властям; власть имущих — защищать угнетенных, богатых — щедро делать добрые дела, тружеников — работать в поте лица... Пока мы покорно будем работать в поте лица, богатые будут грабить нас, власть имущие — душить. Прочь же покорность и да здравствует борьба. На увещание синода ответим так же, как на пули царских палачей, — усиленной борьбой за общие требования рабочего класса.

Долой царя, убийцу рабочих! Долой войну! Да здравствует всенародное учредительное собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Да здравствует демократическая республика!
Да здравствует социалистическая демократия!
Да здравствует всеобщая стачка!

*Киевский Комитет Российской социал-демократической
рабочей партии*¹.

РСДРП беспощадно разоблачала реакционную сущность религии, политический союз самодержавия и церкви, которые ревностно оберегали интересы помещиков и капиталистов. Жандармский офицер московской охраны Зубатов и петербургский провокатор поп Гапон — две окровавленные руки палача-царя Николая II, говорилось в многочисленных листовках большевиков. Духовенство и полиция всегда вместе подавляли малейшие проявления борьбы обездоленных трудящихся масс против своих угнетателей — действительных виновников народных бедствий. Партия не упускала ни единого повода, чтобы раскрыть это сотрудничество черных угнетательских сил и вырвать из-под влияния религии сотни тысяч верующих.

Революция многим открыла глаза на истинную суть церкви, и большевистская пропаганда попадала на хорошо подготовленную почву. Влияние церковников в массах катастрофически падало. Собравшееся в мае 1907 года на четвертый всероссийский монархический съезд духовенство в телеграмме царю в панике сообщало, что «авторитет и сила правящей высшей церковной власти видимо для всех и быстро падает. Зловредная противоправительственная и противоправославная революционно-социалистическая пропаганда всяческих лжеучений безбожных партий среди православных внесла огромный соблазн в среду православных и уже отторгнула от церкви сотни тысяч верующих, явно развивается оскудение веры и доверия к голосу церковной власти, уважения к духовным пастырям»².

Если уже духовенство рискнуло в такой форме представить падение своего влияния самому царю, то в своей среде оно было еще более откровенным. Епископ Владимирский и Суздальский Никон писал лаврскому митрополиту Флавиану: «В Орехове, большом фабричном селе, молодежь снимает с себя кресты и расстреливает их; покойников хоронят без священников, церковного отпевания с красными флагами

¹ Государственный архив Киевской области, ф. 2, оп. 65, д. 339, 1905 г., л. 170.

² ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 77, д. 14, лл. 92—96.

и песнями. В некоторых уездах епархии прихожане составляют приговора о том, чтобы уменьшить плату за требы до самых ничтожных размеров, а сборы с прихожан натурой совсем отменяют»¹. О том же с тревогой сообщал митрополит Московский Владимир: «Ни для кого не тайна, что мы живем во время господства материализма и атеизма,— писал он.— Никогда еще не поднимал последний так высоко свою голову, как в настоящее время... Самым опасным и вредоносным очагом неверия в нашем простом народе является материалистическое настроение в социал-демократической партии рабочих... Вожаки этого движения сумели сделать содержание материалистического учения особенно приятным и доступным для народа. В короткое время они создали целую народную литературу, которая ведет борьбу с христианским мировоззрением... Мало-мальски грамотная молодежь, особенно же та, которая имеет отношение к рабочему фабричному люду, с жадностью читает эти социалистические произведения и, отравляясь ими сама, заражает и неграмотных своих земляков... Вот почему в наших деревнях теперь уже не редко становятся возможными такого рода явления: какой-нибудь послуживший на фабрике или начитавшийся социал-демократических брошюр молодой парень после обыкновенной проповеди священника вступает (такого рода заявления мне приходилось получать не раз) с ним в запальчивое препирательство, говоря: «Будет тебе, батька, перетрясать эту ветошь и твердить нам о какой-то загробной жизни, о каком-то небе. Наше небо — на земле, а ваше небо мы предоставляем теперь вашим ангелочкам и воробьям»².

В. И. Ленин в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» приводит слова сельского священника, который вспоминал, что после первой русской революции «никогда не было такого *ужасающе спокойного*, молчаливого отпадения от церкви, как ныне. Точно дух жизни угас в церкви. Повторяю: не одна интеллигенция ушла,— народ ушел...»³.

Нет, не зря волновались «отцы» церкви. Их проповеди встречали все меньшее сочувствие в народе. Тем активнее духовенство поддерживал царский трон. В своеобразную твердыню самодержавия стараниями митрополита Флавиана

¹ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 205, д. 731, л. 1.

² *Вопросы истории религии и атеизма*. Сборник статей. М., 1956, стр. 493—494.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 522.

и других «отцов» церкви была превращена и Киево-Печерская Лавра.

В октябре 1906 года Флавиан участвовал в работе 3-го Всероссийского съезда уполномоченных черносотенных партий в Киеве, который обсудил меры по борьбе с революцией. Этот съезд в приветствии царскому премьер-министру Столыпину отметил «священную пользу» военно-полевых судов. Митрополит в послании духовенству требовал на ектениях произносить установленные синодом моления об искоренении крамолы, т. е. растущего в народе революционного движения.

Лаврские монахи активно поддерживали столыпинскую аграрную реформу от 9 ноября 1906 года, при помощи которой самодержавие рассчитывало создать на селе прочную опору в лице кулачества, а из центральных, густонаселенных губерний России и Украины переселить в Сибирь малоземельных, наиболее «беспокойных», т. е. революционно настроенных крестьян.

Вешатель рабочих и крестьян, Столыпин пользовался особой благосклонностью Печерской Лавры как при его жизни, так и после смерти. Монахи издали большим тиражом листовку-некролог, в которой Столыпин именовался «великим мучеником». Сатрапа-вешателя торжественно похоронили на территории Лавры, израсходовав на похороны 14 пудов свечей. Монахи поддерживали на его могиле неугасимую лампаду, здесь же была и кружка для сбора пожертвований на сооружение Столыпину памятника. На учреждение стипендии его имени в художественно-ремесленной учебной мастерской печатного дела в Киеве монастырь пожертвовал 50 рублей¹.

Помогая царизму проводить черносотенную политику, Лавра разжигала национальную вражду между народами. Общими усилиями царизма и церкви был организован известный «ритуальный» процесс, антисемитское «дело Бейлиса» (1911 г.) в Киеве. Лавра систематически поддерживала еврейские погромы.

В годы промышленного подъема в России накануне первой мировой войны 1914—1918 годов Лавра ищет новые пути для усиления своего влияния на народные массы. Она прибегает к испытанному в свое время методу — канонизации очередного святого... Объектом избирается митрополит Павел Тобольский, жестокий церковный владыка и помещик XVIII

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 2, д. 452, лл. 3—26.

столетия, похороненный в Успенском соборе Лавры. Митрополит Флавиан в 1911 году писал в синод, что канонизация Павла Тобольского будет способствовать оживлению и возвышению «религиозного чувства и настроения» у населения Юго-Западного края, обуреваемого «враждебными стремлениями инородцев и иноверцев»¹.

Этой же цели должны были служить многочисленные открытия «святых» мощей, крестные ходы и т. д. Церковники усиленно втолковывали доверчивым людям, что у «святых» мощей получают исцеление слепые, хромые, расслабленные и вообще страдающие многими другими неизлечимыми болезнями. Не беда, что «исцелений» не бывало; монахи и тут нашли выход, утверждая, что «неверие или недостаток веры — вот причина, почему и не над всеми прикасающимися к святым мощам совершаются чудеса». При этом преследовалась двойная цель: получить побольше приношений от верующих и укрепить их веру в чудотворное действие мощей.

В период нового подъема рабочего движения (1910—1914 гг.), роста влияния большевиков и распространения материалистических идей пропагандистско-религиозная деятельность церкви усилилась. Лавра выпускает листовки «Бога бойтесь, царя чтите», «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны и тверды» и др. В них осуждались «темные люди», противники царизма, борцы за освобождение трудящихся от ига эксплуатации. Народу внушалось, что почитание царя есть не одна только гражданская обязанность, но вместе с тем и обязанность веры, что власть «государя сугубо великая святыня», «власть от бога происшедшая, богом освященная и направляемая». Листовка клеветала на большевиков, революционеров, утверждая, что они борются с самодержавием не ради освобождения народа и улучшения его жизни, а ради «личного блага, своей корысти»².

В борьбе против большевиков, которые прямо и честно разоблачали тесный союз церковников с господствующими классами, показывали, что церковь действует вместе с кликой Романовых и громадами из «Союза русского народа», в ход пускались самые низкопробные домыслы, самая досужая клевета.

Православные монастыри, как и вся церковь, активно поддерживали вступление России в первую мировую войну.

---

¹ См. журн. «Безвірник», 1935. № 7, стр. 18.

² Листок № 13, 19 июня 1912 г.

Весь аппарат религиозной пропаганды был пущен в дело, чтобы оправдать грабительскую войну в глазах трудящихся именем бога. Снова в первых рядах защитников царизма и его политики выступает Лавра. В статье журнала «Свет Печерский» от 22 апреля 1915 года, обращаясь к солдатам, лаврские монахи писали: «Воин... ты сражаешься за Христа, за святую веру и правду... Пролить кровь в этой войне, отдать жизнь — нет ничего выше и святее этого». Солдат призывали не слушать «неразумных и вздорных речей о мире» и советовали им «нести возложенный богом свой крест до конца и с верой и молитвой, с мужеством и терпением». Монахи обещали высочайшую награду тому, кто «за Христа, за ближних своих терпит скорби и жертвует жизнью своей», призывали солдат радоваться и благодарить бога за то, что он сделал их участниками «великого и святого дела».

Лавра пожертвовала для ведения войны 5,2 килограмма золота, более 750 килограммов серебра, для чего высчитала из заработка рабочих до 4 процентов. Она отвела 13 корпусов для военных нужд, на свои деньги содержала госпиталь на 130 коек. На нужды грабительской войны Лавра не пожалела снять золотые и серебряные ризы с икон, представляющие большую историческую ценность, и передала их «в личное распоряжение государя императора». Всего Лавра на военные нужды израсходовала более чем 1,5 миллиона рублей¹. Для усиления религиозной пропаганды в действующей армии на фронт выехало 150 монахов в качестве полковых священников².

Как известно, война ухудшила и без того тяжелое положение рабочих и крестьян, вызвала в народе широкое недовольство и возмущение царизмом. В стране нарастали революционные события. А с церковных амвонов простым людям советовали больше молиться и безропотно умирать за интересы господствующих классов. «Война за веру, царя и родину хотя и сопровождается убиением врагов, но она не противна заповеди Божией, она не запрещается Богом»³, — писали церковники Киевской епархии. В. И. Ленин в 1920 году подчеркивал, что «писатели, поэты, попы, вся печать шли на дело прославления войны и только»⁴.

¹ Г. И. Денисов, Лавра и царские войны, стр. 5.

² Гос. заповедник-музей «Киево-Печерская Лавра», Путеводитель, К., 1961, стр. 47.

³ «Киевские епархиальные ведомости», № 28, 1917, стр. 21.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 200.

Большевики разоблачали шовинистическую деятельность церкви. В листовке, изданной Донецким комитетом РСДРП, писалось: «Правительства воюющих стран, весь могучий аппарат европейской буржуазии, весь механизм государственной власти (...печать, школа), церковный амвон, все способы воздействия пущены в ход, чтобы одурачить рабочих, чтобы убедить их в том, будто знамя «защиты отечества» в эпоху капиталистических войн есть именно наше пролетарское знамя... Долой виновников войны! Долой войну! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика!»¹.

С победой февральской буржуазно-демократической революции 1917 года православная церковь очень быстро отказалась от своих прежних утверждений о «святости» самодержавного дома Романовых. В церквях Лавры, в ее пещерах были отслужены, как и при царе, торжественные молебны в честь Временного правительства из представителей буржуазии и помещиков. Киевское духовенство призывало православное население подчиниться «без сомнения не за страх, а за совесть Временному правительству, как законно поставленному», сохранять порядок и спокойствие, не возбуждать никаких распрей среди населения, во всем быть единомышленным и мирным². Киевский митрополит в специальном обращении к пастырям епархии призывал «в храме и школе при исполнении треб и при всяком общении с пасомыми внушать им, что факт изменения государственного строя является бесповоротным, и располагать всех к повиновениям Временному правительству и поставленным им властям не за страх, а за совесть»³.

Временное правительство не оставалось в долгу у церкви. Когда крестьяне в ряде мест самочинно, не дожидаясь Учредительного собрания, вместе с помещичьими захватывали церковные и монастырские земли, оно распорядилось, чтобы местные органы власти оказывали «всемерное содействие в ограждении духовенства от насилий». Министерство внутренних дел Временного правительства специальным предписанием обязало губернских комиссаров организовать на местах бдительную охрану церквей и монастырей. «Самоуправство» крестьян решительно пресекалось, а «захватчики»

¹ *Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917 года.* М., Госполитиздат, 1939, стр. 166.

² «*Киевские епархиальные ведомости*» № 11, 1917, стр. 80.

³ «*Киевские епархиальные ведомости*» № 13, 1917, стр. 94—95.

церковных земель и имущества привлекались к уголовной ответственности¹.

Несмотря на усилия духовенства и репрессивные меры правительства, крестьянские выступления нарастали, создавалась угроза не только помещичьим, но церковным и монастырским владениям.

Так, например, 20 июля 1917 года сельский сход села Чернин Жукинской волости Остерского района на Черниговщине запретил Киево-Печерской Лавре хищническую ловлю рыбы в озерах Ковпить и Старик, принадлежащих монастырю.

В решении сельского схода говорилось, что, считая своей землей, крестьяне считают принадлежащими им также и озера. Естественно, что в возникшем конфликте Временное правительство поддержало Лавру.

Для охраны богатств Лавры — своей верной защитницы — Временное правительство присылало воинские части. В сентябре 1917 года, к примеру, эта задача была возложена на так называемый 1-й украинский казачий запасной полк².

Естественно, что Лавра и сама проявляла заботу об охране своих владений, вооружая послушников, нанимая пеших стражников, оплачивая «услуги» сыщиков и городских³.

Церковь, а следовательно и Лавра, делала все, чтобы задушить движение масс, оправдывала все мерзости Временного правительства. Когда 3 июля 1917 года в Петрограде стихийно возникла мирная демонстрация рабочих и солдат, против которой правительство буржуазии и помещиков бросило реакционные части юнкеров и офицерские отряды, то в разгроме этой демонстрации активное участие приняли и церковники. Во время прохождения демонстрантов по Садовой улице с колокольни церкви раздался звон. Это был сигнал. С соседних домов и крыш по рабочим открыли ружейный и пулеметный огонь. С колокольни церкви Спаса на Сенной улице были обстреляны рабочие Путиловского завода, направлявшиеся на демонстрацию⁴.

На июльские события 1917 года Синод откликнулся особым посланием ко всему населению, в котором призывал «к покаянию» в революционных прегрешениях. Контрреволюционное воззвание Синода читалось во всех церквях, в том числе и в Киево-Печерской Лавре. С церковных амвонов

¹ См. журн. «Антирелигиозник», 1940, № 10—11, стр. 27.

² См. ЦГА УССР, ф. 128, оп. 1, д. 721, л. 119.

³ Там же, л. 191—192.

⁴ См. журн. «Антирелигиозник», 1940, № 10—11, стр. 27.

Квитанция об оплате Лаврой денег на содержание агента сыскной полиции.

оглашались и раздавались населению сотни тысяч контрреволюционных воззваний Всероссийского поместного собора, который открылся в Москве 15 августа 1917 года. В этих воззваниях духовные отцы всячески поносили большевиков и революционных рабочих. С особым усердием читала и распространяла их Лавра. Вся эта отрава аккуратно и в большом количестве перепечатывалась в лаврской типографии, помещалась в журнале «Свет Печерский».

Настоятель монастыря митрополит киевский Владимир выступил с архиастырским обращением к своей пастве. «В настоящее время,— писал он,— свободное воспитание юношества, материалистическое направление образования, удаляющее от бога и религии... увеличивает все больше и больше число людей, совершенно не понимающих ни высокой христианской религии, ни духа ея... Мир преисполнен богохуления, обмана, эгоизма, ненависти, безнравственности,

так как люди не хотят знать о боге и его заповедях... При-
скорбно, что легко и скоро православные русские люди усво-
или наставления всяких агитаторов и развратителей»¹. Митро-
полит призывал верующих бороться с «заблуждениями».

Все потуги монахов, как и их покровителей, оказывались,
однако, тщетными. Несмотря на усилия капиталистов и поме-
щиков, духовенства 25 октября (7 ноября) 1917 года под
руководством большевистской партии во главе с Лениным
в стране свершилась социалистическая революция, Времен-
ное правительство было низложено. Власть перешла в руки
рабочих, солдат и крестьян в лице Советов.

26 октября (8 ноября) Второй Всероссийский съезд Со-
ветов принял декреты о мире и о земле. Декрет о мире вы-
водил страну из грабительской войны, по декрету о земле
крестьянство безвозмездно получало 150 миллионов десятин
земли, ранее находившейся в руках помещиков, буржуазии,
царской семьи, монастырей, церквей.

Церковь, в том числе и монастыри, среди которых по-
прежнему ведущее место занимала Лавра, враждебно встрети-
ли социалистическую революцию. В опубликованном в
журнале «Свет Печерский» послании церковного собора Ок-
тябрьская революция осуждалась как «гибельная смута»².

Церковь и монастыри активно выступали за продолжение
империалистической войны.

В статье «О смертной казни», напечатанной в том же жур-
нале, Лавра откровенно оправдывала империалистическую
войну и смертную казнь на фронте. Церковники поддержи-
вали буржуазно-националистические правительства — очаги
контрреволюции на окраинах бывшей Российской империи,
возникшие еще после февральской революции 1917 года. По-
мощь получала от Лавры и Центральная рада, возникшая на
Украине в апреле 1917 года под главенством агентов ино-
страничного империализма, врагов украинского народа М. Гру-
шевского, В. Винниченко, С. Петлюры. Ведь ни Центральная
рада, ни Директория не отделяли церкви от государства и
школы от церкви, широко пользовались услугами церковни-
ков. Лавра благословляла на власть украинскую буржуазию,
тесно связанную с иностранными государствами, хорошо
понимая, что в свою очередь получит от нее всемерную под-
держку в защите своих богатств.

¹ «Киевские епархиальные ведомости», №№ 32—33, 6—13 ав-
густа 1917 г., стр. 259—262.

² «Свет Печерский», № 43—44, 1917 г., 12—19 ноября.

29 декабря 1917 года Духовный собор просил Центральную раду «обратить свое внимание на Киево-Печерскую Лавру... оставить за нею те же угодья, которыми она владеет сейчас, чтобы она и на будущее время оставалась неприкосновенною... при всех своих правах, какими она пользовалась от начала своего существования»¹. Подобные обращения монастырей и церквей в Центральную раду и Директорию были вызваны растущим революционным движением крестьян, которые самовольно захватывали помещичьи, монастырские и церковные земли. 4 января 1918 года Духовный собор в жалобе Генеральному секретариату по земельным делам сетовал на то, что «потомки не поступали так, как предки, которые понимали заслуги Лавры, уважали и оберегали ее от врага, а потомки рубя лаврские леса, делают открытые набеги на лаврские хутора, сады, огороды, бьют монахов, режут святые мощи и т. д.»². Лавра обращалась к Киевскому губернскому комиссару с просьбой, чтобы ей возвратили расхищенное имущество³.

Украинские буржуазно-националистические правительства, тесно связанные с церковью, всегда охотно шли на помощь Лавре. Ни одна просьба лаврских монахов не оставалась без последствий.

В свою очередь не оставалось в долгу и духовенство Лавры. Оно помогло Центральной раде подавить вооруженное восстание рабочих киевского завода «Арсенал» в январе 1918 года.

Монахи отказали восставшим рабочим в просьбе помочь хлебом, хотя на складах монастыря было много продуктов. «Хлеб у нас только для братии монастырской», — заявили они. Когда петлюровцы вели арсенальцев в тюрьму мимо Лавры, монахи встречали «победителей» колокольным звоном и благодарственными молебнами. Стоя черной стеной вдоль крепостных стен монастыря, они кидали в пленных камнями, называли их «антихристами», помогали конвоирам ловить убежавших рабочих⁴.

В годы гражданской войны на Украине Лавра всячески поддерживала «гетмана всея Украины» Скоропадского, поставленного немецкими оккупантами 29 апреля 1918 года взамен свергнутой Центральной рады. Холуй иноземцев и

¹ ЦГИА УССР, ф. 128, оп. 6/1, д. 3557, л. 4.

² Там же, лл. 36—37.

³ См. там же, оп. 1, д. 728, лл. 274—277.

⁴ См. газ. «Всеземник» № 7, 11 февраля, 1938 г., стр. 3.

верный слуга старого строя был встречен церковным звоном по всему Киеву и единодушно и всенародно признан церковными владыками, которые даже установили специальную молитву «за благоверного гетмана всея Украины»¹.

Киево-Печерская Лавра была тесно связана с немецкими оккупантами, которые оберегали церковные и монастырские имения от народа. Немецкая комендатура любезно разрешила монастырю иметь большое количество оружия, при помощи которого монахи возвратили монастырю землю и имущество, отобранное крестьянами². В свою очередь духовенство, в том числе и лаврское, призывало народ «любить» оккупантов, всячески воспитывая в нем чувство покорности и рабского повиновения. Когда летом 1918 года против немецких оккупантов вспыхнула всеукраинская стачка железнодорожников, «Свет Печерский» призывал: «Нам необходимо бросить всякие забастовки, стачки... каждый из нас должен взяться за свой труд»³.

После победы Великого Октября Коммунистическая партия еще более решительно повела наступление на черные силы духовенства. Вслед за «Декларацией прав народов России», в которой провозглашена ликвидация всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, Советское правительство издало декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, подписанный В. И. Лениным.

Церковь и духовенство теряло право вмешиваться в государственную, политическую и общественную жизнь страны. Церковное достояние, кроме предметов религиозного культа, все имущество, нажитое на обмане трудящихся, стало народным достоянием.

Каждый гражданин получал право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, т. е. быть атеистом. На практике осуществилась действительная свобода совести. Учет граждан по вероисповеданию был ликвидирован.

Трудящиеся молодой советской республики встретили декрет с большим воодушевлением. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и резолюции собраний рабочих и крестьян, которые в связи с опубликованием декрета проводились по всей стране. Это вызвало озлобление церковников,

---

¹ *Кривоухатский*, Религия на службе контрреволюции, 1938, стр. 15.

² Газ. «Безбожник» № 7, 11 февраля 1938 г., стр. 3.

³ См. журн. «Свет Печерский», 1918, № 15.

монахов, сектантских проповедников. Церковный собор в Москве выступил со специальным воззванием по поводу декрета, призывая духовенство и монастыри добровольно не отдавать достояния церкви. С благословения и под непосредственным руководством церковного собора и патриарха Тихона устраивались дни покаяния, крестные ходы, рассчитанные на срыв декрета. Была сочинена особая молитва «О спасении церкви». Во всех церквях возносились молитвы за мучеников церкви, т. е. всех тех, кто противодействовал осуществлению декрета силой и за это понес наказание от Советской власти.

В этот период особенно активную деятельность развернул Печерский монастырь. Он всячески стремился очернить декрет в глазах трудящихся, возводя гнусную клевету на меры Советского правительства. В статье «Отнимается от нас царство божие», опубликованной в журнале «Свет Печерский», монахи Лавры упрекали «святую Русь» и русский народ в охлаждении к православию. А это, мол, приведет к тому, что «господь окончательно отнимет от нас царство божие и ключ к нему — святую православную веру — отдаст народу другому, более достойному и чуткому»¹.

В борьбе против Советской власти церковники и монахи пытались использовать экономические трудности, перед лицом которых оказалась молодая страна Советов. Все бедствия войны и голода они приписывали «настроениям государственной жизни», т. е. революции; «Свет Печерский» в феврале 1918 года прямо заявлял, что «теперь в бедствиях наших мы вновь познали, что обилие природных даров земли нашей недостаточно для блага жизни нашей, если не будет порядка на земле»². Под «порядком» монахи понимали восстановление власти помещиков и капиталистов. Монастырь призывал к пассивному созерцанию разрухи и голода в стране, упованию на «божью милость» и т. д.

Мобилизуя рабочий класс на решительную борьбу с разрухой и голодом, большевистская партия во главе с В. И. Лениным деятельно разоблачала большой вред подобных утверждений духовенства. В мае 1918 года в письме к питерским рабочим «О голоде» В. И. Ленин указывал, что «каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное»³.

¹ Журн. «Свет Печерский», 1918, № 2.

² Там же, № 4.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 360.

ПРАВИТЕЛЬСТВО
УКРАИНСКОГО ВОЙСКА
ДУХОВНИЙ СОБОРЪ
КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ
УСЛЕНСКОЙ ЛАВРЫ

Стан. 1-а.

19 6 *2* *2* *1918* г.

10 R
На Германскую Комендатуру, отдѣль
Плать-Маіора.

А. В. К.
Духовный Соборъ Лавры просить выдать
Лаврѣ разрѣшеніе на право держанія 70 винто-
вокъ, 20 шашекъ и 10 револьверовъ, необходи-
мыхъ для сторожей по охранѣ Лавры, ея
пустынь и имущества.

Памѣтника Лавры, *Архимандритъ Кирилл*

Пис.Прявентоль дѣль, *Монахъ Василь*

Столоначальникъ, *Германская Комендатура*

Письмо Духовного собора Лавры
в немецкую комендатуру (1918 г.) с просьбой
выдать для монахов вооружение.

Деятельное участие Лавра приняла также в борьбе русской православной церкви против заключения Брестского мирного договора. Еще в декабре 1917 года Духовный собор осудил Советскую власть за ее участие в переговорах с Германией. А в день подписания договора 18 марта 1918 года патриарх Тихон от лица всей церкви выступил с осуждением мира и призвал союзные державы оказать давление на Советское правительство, имея в виду иностранную военную интервенцию против молодой республики¹. Призыв патриарха поддержали и монахи Киево-Печерской Лавры.

Предательство, измена, злостная клевета и угрозы по адресу Советской власти со стороны духовенства и монашества объяснялись прежде всего стремлением церковников сохранить свои огромные богатства и доходы. Еще К. Маркс указывал, что «церковь скорее простит нападки на 38 из 39 членов ее символа веры, чем нападки на $\frac{1}{39}$ ее денежного дохода»². Жизнь целиком подтвердила эти слова.

Разоблачая контрреволюционную деятельность белого и черного духовенства, направленную на защиту свергнутых классов и восстановление бывших имущественных прав церковей, большевистская партия бережно относилась к верующим, не оскорбляя их религиозных чувств. В борьбе с религией как идеологией партия руководствовалась указаниями В. И. Ленина. В речи на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года В. И. Ленин говорил: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении. Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться»³.

В результате мудрой политики большевистской партии по отношению к религии провалились расчеты церковников на то, что им удастся восстановить трудящихся против Советской власти, толкнуть их на борьбу с нею. Им оставалось лишь уповать на силу интервентов и внутренней контрреволюции. И церковь благословляла всех врагов Советской

---

¹ См. журн. «Антирелигиозник», 1940, № 10—11, стр. 31—32.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 8.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 161.

власти и активно помогала им. Всеукраинский церковный собор, открывшийся в Киеве 7 января 1918 года, решил обратиться к союзникам с письмом о содействии в борьбе против большевиков. Настоятель Лавры митрополит Антоний был почетным председателем высшего церковного управления Юго-Восточного края при добровольческих армиях Деникина и Врангеля¹. В сентябре 1919 года Лавра внесла на счет деникинцев 11 906 рублей, собранных среди верующих. Духовный собор Лавры решил собирать средства для деникинской армии на каждом богослужении в лаврских церквях. Пастырская «помощь», однако, не смогла спасти ни деникинцев, ни других врагов Советской власти. Все попытки добиться восстановления в стране власти помещиков и капиталистов оказались тщетными. В кровавой схватке победил народ, освобожденный как от экономических, так и от духовных оков, народ, пробужденный великой революцией к строительству новой жизни.

---

¹ См. газ. «Безбожник», 1938, № 3, стр. 2.

---

*МУРАВЛЕВА Т. Н.,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Киево-Печерского
государственного историко-культурного
заповедника*

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ УССР

Советское правительство 5 октября 1918 года издало декрет об охране памятников. На основании этого декрета исторические, археологические памятники и произведения искусства объявлялись всенародным достоянием и брались под охрану государства. С укреплением Советской власти на Украине архитектурные сооружения и образцы искусства, имеющиеся на территории Киево-Печерской Лавры, стали достоянием народных масс.

Хотя лаврские монахи и заявили о своем лояльном отношении к Советской власти, но на деле продолжали активную борьбу с ней, получая указания у главы церковной контрреволюции патриарха Тихона. В апреле 1919 года при участии лаврских монахов, стремившихся сохранить свое существование как духовной касты и влияние на верующих, была создана трудовая община, в которую, кроме них, вошли ремесленники и сельскохозяйственные рабочие. Монахи, формально числясь в трудовой общине, продолжали свою антинародную деятельность. Они использовали малейшую возможность для нового открытого выступления против Советской власти. В голодный 1921 год вместе с духовенством всех религий монахи Лавры открыто выступили против декрета ВЦИК от 22 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей для закупки хлеба голодающим Поволжья. Монахи не хотели отдать свои богатства, чтобы накормить умирающих от голода детей, стариков и женщин. Более того, Лавра стремилась поднять верующих на борьбу против осуществления этого декрета. В «Известиях ВУЦИК»

от 22 апреля 1922 года сообщалось, что монахи в день изъятия из Лавры ценностей пришли на расположенную вблизи нее обувную фабрику и призывали рабочих защитить Лавру от посягательств на ее «святыни». «Провокация не удалась», — писала по этому поводу газета.

Контрреволюционные действия церковников, в том числе и монахов Лавры, в корне подорвали бывшее влияние религии и церкви. Разоблачению деятельности реакционного духовенства способствовало широкое развитие в нашей стране научно-атеистической пропаганды, народного просвещения, политической и культурно-просветительной работы среди трудящихся. Воспитание масс в духе научного, материалистического мировоззрения являлось неотъемлемой частью проведения культурной революции в нашей стране.

Важным мероприятием в развитии культурно-просветительной работы было основание на территории Киево-Печерской Лавры в 1922 году Музея культов и быта, который организовал собирание экспонатов, обеспечил их охрану, проводил научно-атеистическую пропаганду среди трудящихся. На территории Лавры функционировали две библиотеки, находившиеся в ведении Всеукраинской Академии наук. Они были основаны на базе книжных фондов Киево-Печерского монастыря: лаврской библиотеки, фонд которой собирался с начала XVII столетия, а также книг бывшей библиотеки митрополита Флавиана, открытой в 1910 году. Академии наук в 1923 году была передана и лаврская типография.

С 1923 года с целью помощи инвалидам на территории Лавры по решению советских органов была основана трудовая колония, в ведение которой передавалось большинство монастырских мастерских и зданий хозяйственного назначения.

Несмотря на противодействие лаврской религиозной общины Музею культов в 1919—1923 годах было передано большинство архитектурных сооружений Лавры¹.

Часть оставшихся на территории Лавры монахов примкнула к так называемому обновленческому движению, пытаясь приспособить свою деятельность к условиям советской действительности, заявила «о демократизации церкви», о признании «полной справедливости социальной революции и Советской власти»². Она добилась права проводить бого-

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., оп. 3, д. 844, л. 29.

² См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. 605, общ., оп. 2, лл. 1—13.

служение в Успенском соборе Лавры. Однако престиж Лавры был окончательно подорван. Количество посещающих ее богомольцев резко сократилось, значительно уменьшились монастырские доходы, в связи с чем многие монахи ушли из этой обители. Так, если в 1918 году в Лавре насчитывалось свыше 500 монахов, то в начале 20-х годов их осталось до 200 человек ¹.

Среди монашеской братии участились случаи морального разложения. Ярким свидетельством этого было зверское убийство лаврским архидиаконом Чехуном Паши Барышниковой, совершенное 14 июня 1929 года при активном участии монахини Киево-Фроловского монастыря Воронковой.

Перед трудящимися, как никогда, ярко раскрылось подлинное лицо монахов Киево-Печерской Лавры, о которых веками создавались легенды как о смиренных отшельниках, удалившихся от мирской суеты для служения богу. Материалы, вскрытые судом, вызывали всеобщее возмущение. Чехун и Воронкова были осуждены к 10 годам тюремного заключения, а Киево-Печерская Лавра и Фроловский монастырь по требованию трудящихся были закрыты ².

Ввиду большого историко-культурного и художественного значения архитектурного ансамбля бывшей Киево-Печерской Лавры постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров УССР территория монастыря была признана историко-культурным государственным заповедником. Советское правительство дало указание об устройстве здесь Всеукраинского музейного городка и отпустило значительные средства на реставрацию памятников архитектуры.

На основе экспонатов Музея культов и быта в Заповеднике открылось несколько новых секций. В секции сравнительной истории культов экспонировались материалы о различных религиозных верованиях народов царской России, о древних культах Египта, о буддизме, иудаизме.

В секции металла и камня показывались образцы высокохудожественных изделий древнерусских мастеров X—XII столетий, украинских мастеров XVII—XVIII столетий. Кроме того, экспонировались предметы русской работы, а также

---

¹ См. ЦГИА УССР, ф. 128, д. общ., оп. 3, д. 844, лл. 1—13, 23.

² См. *И. Карпенко*, Звірське вбивство в колишній Києво-Печерській Лаврі.— «Безвірник», 1929, № 17, стор. 30—34; *И. Карпенко*, Чорне кубло, X., 1930, стр. 30—34, 65.

изделия из металла различных городов Западной Европы, свидетельствовавшие о широких культурных связях Украины. Среди экспонатов музея были и предметы религиозного культа, в том числе подарки монастырям от представителей господствовавших классов, а также вещи, служившие предметом торговли для церковников.

В секции станковой живописи были представлены образцы иконописи. Среди них экспонировались самые древние в мире греческие иконы, написанные восковыми красками. Значительную художественную ценность представляла коллекция икон XVI—XX столетий новгородской и московской школ, а также работы украинских мастеров.

В секции письма и печати экспонировались древние рукописи: греческие, латинские, народов Востока. Значительную часть экспонатов составляли образцы славянской письменности, в их числе киевские глаголические листки XI столетия, «Патерик» 1491 года, «Евангелие» 1541 года.

Представлены были также материалы, характеризующие развитие книгопечатания на Украине — клише Лаврской типографии, книги, напечатанные в ней в XVII, XVIII, XIX веках.

В музее тканей имелись ценные образцы восточного и западноевропейского производства XVI—XX столетий, а также московского парчового производства XVIII—XIX столетий.

Из образцов старинных художественных тканей и вышивок особую ценность представляла молдавская плащаница XVI столетия, грузинский омофор XVII столетия и саккос Рафаила Заборовского XVIII столетия. В музее также имелись образцы тканей, которые носили представители трудящихся масс, вышивки русских и украинских мастериц.

В музее архитектуры экспонировались типы жилищ человека, начиная с каменного века. Много внимания уделялось показу образцов украинского зодчества. На территории Заповедника размещались, кроме вышеуказанных, музей нумизматики и театрального искусства.

Кроме того, на территории Заповедника был основан музей истории Киево-Печерской Лавры, экспонаты которого разоблачали реакционную деятельность монастыря.

С 1932 года развернул свою деятельность антирелигиозный музей. В качестве объектов для изучения и проведения

экскурсий в его ведение входили архитектурные памятники, Ближние и Дальние пещеры. Музей имел несколько экспозиционных отделов¹.

На основе исследования монастырского архива и других документов и вещей, доступ к которым был закрыт до Великой Октябрьской социалистической революции, научный коллектив музея получил возможность раскрыть подлинную историю Киево-Печерского монастыря — центра религиозного мракобесия.

Археологические обследования пещер, проводившиеся в 1933—1934 годах научными сотрудниками музея и другими учеными, способствовали разоблачению легенд о пещерах, созданных монахами для обмана верующих. Во время раскопок были обнаружены подземные камеры, куда под видом бесноватых заключались люди, неугодные царизму и господствовавшим классам².

Вскрытие гробниц с мощами, проводившееся в 1922 и 1939 годах специальной комиссией из представителей научных учреждений и общественности, в свою очередь способствовало разоблачению церковных вымыслов о святости мощей. В экскурсиях, проводимых научными сотрудниками, разъяснялось, что высыхание трупов не чудо, а следствие процесса естественной мумификации. Многие «святые» мощи, как в этом могли убедиться многочисленные посетители, были просто грубой подделкой монахов.

Кроме экскурсионной работы, в музее проводилось чтение антирелигиозных лекций, устраивались книжно-иллюстративные выставки. Трудящиеся проявляли значительный интерес к работе музея, о чем свидетельствует увеличение его посещаемости. Если в 1932 году в музее побывало 81 808 человек, то в 1939 году — 267 108 человек³.

О большом воспитательном значении памятников и экспонатов музейного городка свидетельствуют отзывы посетителей. Экскурсант из Казатинского района Винницкой области писал: «Когда я осмотрел выставленные экспонаты, мне целиком стало ясно, что такое религия. Мне кажется, что, если бы самая старая, самая отсталая религиозная сель-

---

¹ *Український центральний антирелігійний музей*. Короткий довідник, 1940 р.

² См. *Н. Багрий*, Всеукраїнський музейний городок.— «Безвірник», 1934, № 10.

³ См. *Український центральний антирелігійний музей*, Короткий довідник, 1940 р.

ская женщина осмотрела этот музей, то и она смотрела бы после этого на религию так, как учил Ленин».

75-летний гражданин Кирюшкин из Мордовской АССР пришел пешком в Киево-Печерскую Лавру на богомолье. Узнав, что монастырь закрыт, осмотрел музей и пещеры, после чего заявил: «Я всю жизнь был верующим. Пришел вот теперь пешком в Лавру. Шел четыре месяца. Тут я впервые. Пещеры и мощи видел первый раз. Видно, что здесь монахи обманывали и истязали людей. Пришел молиться, а увидел поповский обман и злодеяния. Теперь назад пешком не пойду, а поеду. Вижу раскрытый обман. Тут был ад, впредь его не будет. Разочаровался, от сердца отпало у меня, не могу всего пересказать. Пойду, буду говорить правду про то, что видел».

В 1935 году на территорию Заповедника был переведен исторический музей, в который влились отдельные музеи, ранее существовавшие самостоятельно. В нем экспонировалось значительное количество весьма ценных вещей и документов, показывающих развитие экономики, политического строя и культуры древней Руси и Украины¹.

Большие разрушения заповеднику-музею «Киево-Печерская Лавра» причинили немецкие фашисты во время оккупации Киева. Значительная часть архитектурного ансамбля Киево-Печерской Лавры была превращена в груды развалин. Немецкие фашисты взорвали и разрушили уникальный памятник архитектуры XI века — Успенский собор, разграбили и вывезли ценнейшие экспонаты исторического и ряда других музеев. Заповеднику был причинен убыток, исчисляющийся в сумме 120 миллионов рублей.

Тогда же на территории Киево-Печерской Лавры находился полицейский застенок, где было замучено до 500 советских граждан². В период немецко-фашистской оккупации Киево-Печерский монастырь возобновил свою деятельность.

С мая 1944 года историко-культурный заповедник «Ки-

---

¹ *Київський центральний історичний музей. Короткий довідник*, рр. 1940—1941.

² *Сообщение Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.*— «О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Киеве», К., 1944, стр. 7—9, 14.

ево-Печерская Лавра» вновь развернул свою работу. Партия и правительство уделяли и уделяют большое внимание восстановлению его ценнейших памятников. За последние годы реставрированы уникальный памятник архитектуры XII столетия Троицкая надвратная церковь, замечательные памятники украинской архитектуры XVII—XVIII столетий — церковь Всех святых над Экопомическими воротами, Большая колокольня, колокольня на Дальних пещерах и другие. Большую работу по изучению памятников ведут научные сотрудники Заповедника. Изучаются хранящиеся в Заповеднике богатые коллекции исторической и религиозной живописи, изделий из металла, старопечатных книг, тканей и вышивок.

Собранные и обобщенные научными сотрудниками архивные материалы дают возможность раскрыть деятельность Лавры, которая всевозможными способами насаждала религиозную идеологию, была крупнейшим помещиком и капиталистом.

В 1951—1952 годах на территории Заповедника проводились археологические раскопки совместно с институтом археологии АН УССР. В результате их на территории Лавры обнаружена крупная стекловарная мастерская XI столетия с оборудованием, остатками стекла и смальты¹. Данные этих раскопок являются ценным вкладом в дело изучения древнерусского ремесла.

В том же году раскопаны остатки древней крепостной стены конца XII века, окружавшей Киево-Печерскую Лавру². В 1952 году проводились частичная расчистка и исследование руин Успенского собора, что дало возможность представить первоначальный облик собора, историю его застройки, изучить строительную технику, в частности систему древней кладки, фрагменты древних украшений собора³.

В Заповеднике можно ознакомиться с экспонатами различных выставок. Так, в экспозиции выставки «Наука и религия» на различных документальных и вещевых материалах раскрывается антинаучная сущность религии, разоблачается

---

¹ См. В. А. Богусевич, Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве по материалам раскопок 1951 г.—КСИА, вып. 3, 1954 г.

² См. В. А. Богусевич, К вопросу о крепостных стенах XII в. КСИА, вып. 9, 1959 г.

³ См. Н. В. Холостенко, Исследование руин Успенского собора СА XXIII, М., 1955.

ее реакционная идеология, использовавшаяся эксплуататорскими классами для оправдания их господства над народными массами. На выставке пропагандируются достижения советской науки в области изучения и освоения космоса, экспонируются материалы о строении вселенной, происхождении и развитии жизни на Земле.

Широко представлены материалы о реакционной роли христианства, в частности основных его течений — православия и католичества, а также имеется немало ценных данных о развитии атеизма.

В разделе «Отношение Коммунистической партии и советского государства к религии и церкви» широко экспонируются документы и иллюстрации о свободе совести и антирелигиозной пропаганды в нашей стране.

На выставке «Пещеры и мумификация» собраны экспонаты, опровергающие антинаучные толкования представителей церкви о происхождении пещер, о «святости» и «чудесном нетлении» лаврских мощей.

Среди материалов выставки различные планы пещер, свидетельствующие о перестройке и приспособлении их для массового посещения богомольцами; культовые предметы, применявшиеся как «целительные» средства: вериги, кресты, шапка Иоанна Многострадального, крест Марка Гробокопателя.

Здесь же экспонируются архивные документы и иллюстративный материал, свидетельствующие о том, что лаврские пещеры служили местом заточения для «вольнодумцев», выступавших против господствовавших классов и церкви.

На выставке художественных изделий из металла показываются главным образом предметы культа, подаренные Киево-Печерской Лавре представителями господствовавших классов.

Сделаны они русскими и украинскими народными мастерами и представляют большую художественную ценность. Особое внимание обращают на себя замечательные изделия киевских мастеров XVIII века.

На выставке художественных тканей и вышивок XVI—XIX столетий широко представлены образцы различных тканей, вышивок и культовой одежды русского и украинского производства XVI—XIX столетий, среди них щедрые подарки знати и богачей. Ткани представляют собой набойки, крашенину, парчу, бархат и шелк XVI—XIX столетий. Образцы этих изделий в XIX—XX столетиях не раз занимали первые места на международных выставках.

Все эти высокохудожественные вещи созданы руками искусных русских и украинских народных мастеров. Многие образцы тканей и рисунков изучают советские текстильщи- ки-художники, вышивальщицы, используя в советском про- изводстве многовековой опыт прошлого.

Заповедник привлекает внимание многих трудящихся на- шей страны. Его посещают рабочие и колхозники, советские ученые, деятели культуры и искусства, солдаты и офицеры Советской Армии, школьники и студенты.

Если в 1948 году здесь побывало 124 676 человек, то в последние годы музей ежегодно посещает до 250 тысяч человек.

Нередко приходят в Заповедник иностранные туристы и делегации.

Лекторий музея-заповедника организует чтение лекций на различные научно-атеистические темы не только в Киеве, но и во многих селах и городах республики, проводит вече- ра вопросов и ответов. В 1961 году было осуществлено 30 выездов в районы Киевской, Винницкой, Черниговской, Полтавской и других областей, причем чтение лекций сопро- вождалось демонстрацией научно-популярных фильмов.

Культурно-просветительная и научно-исследовательская деятельность музейного городка-заповедника, широкая пропа- ганда научно-атеистических знаний среди населения способ- ствуют преодолению религиозных пережитков, о чем красно- речивее всего свидетельствуют отзывы его посетителей.

«Я посетил выставку «Наука и религия», где до глубины души понял, что именно религия одурманивала народные массы...— пишет в книге отзывов музея-заповедника житель Улан-Уде Доржиев Г. Б.— В результате обмана народные массы жили в подавленности и темноте.

Спасибо ленинской партии, создавшей такую прекрасную жизнь для народов и открывшей широкий простор в жизни людям. Я тысячу раз убежден, что не религия создает мате- риальные блага народа, а труд, свобода, дружба и сотрудни- чество всех народов».

* * *

Коллектив Киево-Печерского государственного историко- культурного заповедника способствует торжеству коммуни- стической идеологии, помогает активному участию трудя- щихся нашей страны в строительстве новой жизни.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
<i>БИЛЫК Б. М.</i> Киево-Печерский монастырь в XI—XIII столетиях	5
<i>ШИДЕНКО В. А.</i> Киево-Печерский монастырь — опора правящих классов на Украине в XIV—XVII столетиях .	18
<i>КРИКОТУН В. Н.</i> Положение и борьба крепостных крестьян Лавры во 2-й половине XVIII века	28
<i>ШИДЕНКО В. А.</i> Лавра — крупнейший капиталист-эксплуататор	53
<i>СТЕПАНОВ П. Я.</i> Борьба Киево-Печерской Лавры против революционного движения	66
<i>МУРАВЛЕВА Т. Н.</i> Киево-Печерский государственный историко-культурный заповедник Министерства культуры СССР	98

ПРАВДА
О КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ
Сборник статей
Госполитиздат УССР

Редактор *Л. П. Воронина*
Обложка художника *Г. О. Павленко*
Художественный редактор *Ю. С. Яхнис*
Технический редактор *О. К. Левченко*
Корректоры *А. В. Корчунова, Р. А. Нижник*

Сдано на производство 13/XI 1962 г. Подписано к печати 28/I 1963 г. Формат 84×108¹/₃₂ Физ.-печ. лист. 3³/₈. Усл. печ. лист. 5,52. Учетно-изд. лист. 6,02. БФ 03912. Тираж 15.000. Зак. № 715. Цена 14 коп.

Государственное издательство политической литературы УССР.
Киев, Владимирская, 42.

Книжно-журнальная фабрика Главполиграфиздата Министерства культуры УССР.
Киев, ул. Воровского, 24.